Никогда не забудем!

ДЕТГИЗ 1949

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Никогда не забудем» — книга, составленная из рассказов белорусских детей, переживших все ужасы немецкой оккупации и помогавших своим отцам и братьям громить врагов Родины в дни Великой Отечественной войны. Их воспоминания собраны и записаны под руководством белорусского писателя Янки Мавра. Для среднего возраста.

- НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ!
  -
  -
  - В НЕМЕТЧИНЕ
  - НОМЕР 79645
  - НА ОКОПНЫХ РАБОТАХ
  - ДОРОГА В ОТРЯД
  - МОИ СТРАДАНИЯ
  - МАТЬ И СЫН
  - ШТАБ В ДЯДИНОЙ ХАТЕ
  - МОЙ БРАТ
  - В ТЕ ДНИ
  - ГИБЕЛЬ «ТИГРА»
  - ДВА РАЗА В КЕНИГСБЕРГЕ
  - В БРЕСТЕ
  - У ОЗЕРА
  - В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ
  - ВЗРЫВ
  - ПАРТИЗАНСКИЙ КУРЬЕР
  - ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ
  - ВОСЕМЬ СУТОК
  - ПИОНЕРСКОЕ ЗНАМЯ
  - МОЯ ПОМОЩЬ
  - НАША ПОДРУГА
  - ПАПА «ГИСА»
  - В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ
  - МОТОЦИКЛ
  - КАК Я СТАЛ ГВАРДЕЙЦЕМ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14

НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ! Сборник рассказов белорусских детей

Рассказы собраны и записаны под руководством Янка Мавра

Перевод с белорусского П. Кобзаревского

Обработка для детей Л. Раковского

Никогда не забудем!

Сборник рассказов белорусских детей

Рисунки В. Петровой

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1949 Ленинград

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Никогда не забудем» — книга, составленная из рассказов белорусских детей, переживших все ужасы немецкой оккупации и

помогавших своим отцам и братьям громить врагов Родины в дни Великой Отечественной войны.

Немецкие фашисты, временно захватившие советскую Белоруссию, превращали в груды развалин города, разоряли колхозы, грабили и убивали советских людей.

За время оккупации немцы убили и угнали в рабство в Германию сотни тысяч белоруссов.

И все же фашисты не могли поставить на колени советский народ Белоруссии.

На защиту Родины со всех концов республики поднялись партизаны. В их отрядах были и дети.

О зверствах немецких фашистов, о пережитых страданиях в немецкой неволе и о своем участии в героической борьбе народа за свободу и независимость Белоруссии рассказали нам дети — авторы этой книги.

Их воспоминания собраны и записаны под руководством белорусского писателя Янки Мавра.

Записи эти — яркий обличительный документ против фашизма.

Мы никогда не простим фашистских извергов, которые разоряли и уничтожали наши цветущие города и колхозы, мучили и убивали советских людей.

Мы никогда не забудем мужественных советских детей, которые помогали своим отцам и братьям разгромить врагов нашей отчизны.

Они принадлежат к тому поколению советской молодежи, которое будет преданно и умело защищать нашу социалистическую Родину от всех посягательств на ее свободу и независимость.

БУДУ ПОМНИТЬ

Деревню, где мы жили, подожгли немцы. Мама, бабушка, я и брат Толик убежали в лес. Назавтра, когда мы вернулись, деревни уже не было: она вся сгорела. Только торчали печные трубы. Над пожарищем стоял удушливый дым.

Мы всей семьей пошли в соседнюю деревню Воротынь. Там жила моя тетя. Но и тут не пришлось долго пожить. И на эту деревню налетели немцы, подожгли ее, а всех жителей от старого до малого погнали неизвестно куда. Гнали долго по незнакомым местам. Если люди отставали, их били резиновыми палками и прикладами. От ходьбы мои ноги распухли и посинели. Мама несла на руках Толика. Она так устала, что еле двигалась. Ее лицо было страшное — белое-белое, всё мокрое от пота и слез. Мама долго несла Толика и не заметила, что он мертвый… Сначала Толик будто уснул на руках, а потом и умер, наверно от голода. На какой-то станции нас посадили в вагоны и повезли. Всех мучила жажда. Некоторые припадали сухими губами к влажным доскам дверей вагона…

Поезд остановился в каком-то лесу. Людей выгнали на широкую полянку. Здесь стояли бараки. Вокруг них тянулись высокие ряды колючей проволоки и было очень много часовых. Кто-то сказал, что это лагерь для пленных.

В этом проклятом лагере сожгли мою маму, бабушка умерла, а я остался из всей семьи один. Сколько времени пробыл в лагере — не помню.

Однажды утром произошло что-то необыкновенное. Нас не будили резиновыми палками, как всегда, и около дверей не стояли часовые. Когда мы вышли из барака, на дворе были уже наши красноармейцы. Многие из нас плакали от радости. Один солдат взял меня на руки. Я подумал: «Вот какой он сильный, такого большого легко держит на руках».

Солдат держит меня на руках, а у самого слезы…

Аркадий Науменко, 1935 года рождения.
Жлобинский район.

В НЕМЕТЧИНЕ

Это было летним вечером. Мы, ребятишки, играли на улице в «чижика», когда из местечка вернулся колхозный счетовод дядя Степан. Он что-то рассказывал такое, что все мигом обступили его. Мы подбежали к толпе и услышали: «Война», «Сегодня немец напал на нас».

Взрослые расходились по домам озабоченные, помрачневшие. Не до «чижика» стало и нам.

Это была наша последняя беззаботная игра.

Колхоз стоял недалеко от границы, и уже на следующий вечер мы увидали на западе отсветы больших пожаров. Днем и ночью слышалась артиллерийская стрельба. Война катилась всё ближе и ближе. Затем пушки стали слышны уже где-то позади, за лесом. И вот в деревню нагрянули немцы.

В первые дни они, как голодные волки, набрасывались на кур, свиней и коров, а потом стали расправляться с людьми. Однажды ночью немецкие солдаты ворвались к нам в хату.

В нашей семье было семь человек: папа, мама, два брата и три сестры. Нас всех погрузили на машину, обтянутую полотном. Папа с мамой сидели на ящичке, в котором была еда. Мама кормила грудью маленького Антона. Валя сидела у папы на коленях, склонив головку ему на грудь, и дремала. Мы, как старшие, стояли.

Была летняя жара, а нас в машине — как сельдей в бочке. Страшно хотелось пить, сохли губы, а воды на давали. Машина неслась на запад несколько суток. Приехали в какой-то город. Немец приказал вылезать. Мы посыпались из машины, как горох. Подали команду: «Женщины и дети в левую сторону, а мужчины в правую!»

Мы едва успели попрощаться с папой. Немцы кричали во всё горло: «Шнель! Шнель!»[1]. Мужчин куда-то повели, а нас загнали в тесный барак.

Остались мы пятеро с мамой. Плач женщин и детей раздирал душу, но немецкие бандиты только посмеивались.

Когда подошла ночь, мама, собрав наши лохмотья, постлала постель, мы голодные легли спать. Ящичек с едой остался в машине.

Я проснулась рано, в бараке нечем было дышать. Будто камень лежал на груди. Окна и двери открывать не разрешалось. Взрослые спали на нарах. Детей обычно клали на полу.

Так, задыхаясь от духоты, голодные, мы просидели две недели. Раза два маме удалось вылезать через колючую

проволоку, чтоб достать нам что-нибудь поесть. Потом немцы натянули электрический провод, к которому нельзя было подходить.

Но недолго мы были вместе. Мама заболела. Пришли санитары и забрали ее в госпиталь. Только унесли маму, как сразу же заболели мой брат и две сестры. Их тоже на носилках куда-то унесли.

Плакала я сколько хотела, — никто меня не утешал.

Надумала я просить у немцев пропуск в госпиталь. Так хотелось увидеть маму! К брату и сестрам я не просилась: немцы, забирая их, сказали, что им сразу же сделают «капут». Маленький Антось в ту пору был как мертвый: не кричал, как бывало раньше, лежал с закрытыми глазами и чуть дышал.

После долгих просьб я добилась пропуска. Я собралась идти, только было больно: я знала, что мама голодная, а у меня ничего нет, чтобы ей принести.

Получив пропуск, я пошла в госпиталь, меня пропустили через ворота. Я увидела высокий белый дом. Это был госпиталь. Там тоже стояли патрули. Они посмотрели документ и сказали:

— Второе крыльцо налево.

Иду. С крыльца сразу вход в какую-то комнату. Стучу.

— Мо-ожно-о, — слышится глухой голос.

Вхожу. Стоят шесть кроватей. На каждой кровати по две женщины. Спрашиваю:

— Нет ли тут, тетеньки, моей мамы?

— А как зовут маму? — спросила одна из них.

Я не успела ответить, как послышался голос:

— Манечка, доченька!

Это моя мама! Лежала она с какой-то женщиной. Мамы своей я не узнала: была она желтая, как воск, опухшая, а слова выговаривала с трудом. Она стала спрашивать меня про остальных детей.

— Ничего, мамочка, — говорю я, — нам теперь дают три раза есть, и мы начали поправляться.

— Правда, Манечка, ты как будто поправилась, — радостно сказала мама и заплакала.

Она не заметила, что я начинаю пухнуть, и подумала, что поправляюсь. Села я близенько-близенько около своей мамы. Мне так было хорошо, что я снова к ней прижалась. Много о чем говорила мне мама. Она сказала, как будет нам опять хорошо, когда наши побьют немцев.

— Только следи, Манечка, за Антосем и за всеми детьми.

Я ответила:

— Хорошо.

Очень приятно было сидеть с мамой, но время не позволяло. Сюда можно приходить только на два часа. Крепко-крепко мы поцеловались, и я должна была уйти. Шла спотыкаясь, цепляясь ногою за ногу.

Когда я вернулась в барак, Антон был уже мертвый. Пришли какие-то люди и унесли его. Назавтра нам приказали собираться на работу. Подъехали машины, мы погрузились и поехали. Куда не знали. Я очень боялась, чтобы не вывезли из города, потому что тогда я не увижу свою маму.

Остановились мы перед большой фабрикой. Вылезли из машины. Женщинам велели идти направо, а нам налево.

Каждому из детей была дана работа и приказано: «Работать всегда там, где поставили! Кто переменит место, получит пять плетей или двадцать четвертый барак».

Плети и двадцать четвертый барак были нам хорошо известны.

Около нашего барака стоял маленький домик, на нем надпись: «24-й барак — теплая вода». Загнав в него людей, немцы плотно закрывали двери и пускали газ. Отравленных собирали и клали в печь, где они сгорали. Пепел ссыпали около нашего барака. За этим пеплом приходили немки и брали его для удобрения своих огородов.

Кроме голодной смерти, нас ежеминутно ожидала еще более страшная смерть.

Меня поставили у какой-то машины, которая делала винтики. Работали с восьми часов утра до восьми часов вечера. Обеденный перерыв — один час. В двенадцать часов нам дали обед — тридцать граммов черного хлеба и такой же черный суп. Получив маленький кусочек хлеба, я его там же проглотила, суп выпила весь. Вдруг меня как укололи иголкой — я даже подскочила. Что я наделала, — съела весь хлеб и не оставила больной маме! От обиды даже слезы покатились, но хлеба не вернешь.

На другой день после завтрака мы построились парами и пошли по улице, держась правой стороны. По тротуару нам было запрещено ходить: там ходили немцы. У каждого из нас была нашивка на левом рукаве: «ОСТ». В нашем бараке каждому накалывали номер. У меня он и теперь остался на левой руке — 61606.

Поработав пять дней на фабрике, я выпросила выходной день — проведать больную маму. Бегу по знакомой дороге в госпиталь. Несу два кусочка хлеба и немного супа в котелочке. От радости сердце готово выскочить. Увижу маму, принесу ей подарок и опять к ней крепко прижмусь. Стучусь в знакомую дверь. Никто не отвечает. Открываю. Иду к тому месту, где лежала мама. Там

пусто. Вслед за мной прибежал какой-то немец, начал топать ногами и кричать: «Тыф! Тыф!». Что он еще кричал — я не поняла. Поняла только, что все умерли.

Я выпустила хлеб и котелочек из рук. Немец схватил этот котелочек, стукнул им раз пять меня по голове и выбросил за двери.

Придя в барак, я плакала всю ночь. В моих глазах стояла мама.

Люди умирали, как мухи. С каждым днем женщин становилось всё меньше и меньше. Мы, дети, легче переносили голод и холод и разные болезни. После смерти мамы я пробыла в бараке два месяца.

Однажды, в субботу, вдруг исчезли все немцы. Мы стали расходиться кто куда. Каждый хотел достать что-нибудь поесть.

Город наполнился нашими солдатами.

Сколько было радости и счастья, когда мы встретили своих! Нас, детей, было очень много. Мы написали товарищу Сталину благодарность за освобождение.

Я до гроба буду помнить издевательства и горе, которые перенесла в неметчине.

Маня Кузменкова, 1932 года рождения.

Будслав, детский дом.

НОМЕР 79645

Когда фронт стал приближаться к Бегомлю, секретарь райкома партии сказал маме:

— Муж у тебя в армии. Тебе здесь оставаться нельзя. Уезжай с детьми.

— А на чем я поеду?

— Я достану; лошадь.

Свое слово секретарь сдержал. Мы погрузили на подводу пожитки, взяли продукты и поехали. Но немцы перерезали дорогу и забрали коня. Дальше ехать было не на чем, и мы пешком вернулись в Бегомль. Пожить здесь долго не пришлось. Знакомые предупредили мать, что нас всех могут арестовать, как семью коммуниста, и советовали уехать.

Мы собрались и в ту же ночь выехали в деревню Дроздово, Толочинского района. В ней жило много семей партизан и советских работников.

Однажды немцы окружили деревню. Всех жителей собрали и под конвоем погнали в Толочин в тюрьму.

В небольшом подвале помещалось около трехсот человек. Духота и теснота были страшные. Люди задыхались. Есть давали один раз в сутки и то какое-то пойло.

Неделя, проведенная в толочинской тюрьме, показалась годом. Затем нас перевели в минский концлагерь. В нем было еще хуже. Людей морили голодом. Начались болезни. Больных вывозили в лес и расстреливали. Так погибла моя бабушка, тетя Саша и несколько знакомых из нашего местечка.

Всех, кто был связан с партизанами или считался советским активистом, отделили от остальных, старательно осмотрели, отобрали вещи и хорошую одежду и погнали на станцию. На путях стоил длинный поезд. Нас посадили в товарные вагоны, двери закрыли и строго приказали сидеть и не шевелиться.

Когда поезд тронулся, женщины бросились к дверям. Через щели смотрели на родные поля и леса, которые оставались позади. Многие плакали: куда нас везут и что с нами будет, никто не знал.

Я прижалась к маме и сидела молча. Молчала и мама.

В первую же ночь заключенные одного вагона взломали потолок и убежали. После этого конвой усилился.

В наш вагон посадили двенадцать солдат, которые день и ночь следили за нами и ни разу не выпустили.

На шестые сутки поезд остановился. Куда мы приехали, никто не знал. Несколько часов нас не выпускали из вагонов.

Потом приказали выходить, построили в колонну по пять человек и погнали. Ночь была темная, шел дождь. Мы корчились от холода, потому что одежду отобрали еще в Минске.

Сначала шли полем, потом лесом. Недалеко от дороги горел костер, на котором немецкие палачи сжигали детей.

На окраине леса стоял крематорий — большие, похожие на фабрику здания с высокими трубами. Из труб вырывались клубы серого дыма и пламя. Пахло удушающей гарью.

Мы догадались, что попали в лагерь, где сжигают людей.

Стало ясно, что нас ведут на смерть. В голове помутилось. Я даже не помню, что в то время говорила маме.

Здание крематория было огорожено колючей проволокой. Нам приказали остановиться. Часа три мы стояли без движения.

Потом подошел толстый пожилой немец-эсэсовец и приказал всем раздеваться. Люди не хотели этого делать. Немец повторил приказ. С криком и плачем женщины и дети начали сбрасывать одежду. Тех, кто не хотел раздеваться, немец бил палкой. Многие, всё еще не веря, что их гонят на верную смерть, связывали свою одежду в узелки и клали в стороне, на более сухое место.

Когда все разделись, нас построили в шеренгу по одному человеку и приказали идти. Мы вошли в сырое и темное, без окон, помещение. Стены и пол в нем были цементные. Я с ужасом подумала: «Вот-вот настает мой конец. Я больше ничего не увижу».

Пройдя одну комнату, вошли во вторую. Тут женщинам начали обстригать волосы и смазывать головы какой-то жидкостью. Потом по одному погнали в другое помещение. Перед входом стояло большое корыто с какой-то густой мазью. Каждому из нас приказали смазать ноги до колен.

Мама взяла меня и Милю за руки. Я прижалась к ней и вся дрожала. Когда помещение было битком набито людьми, двери закрылись. Поднялся страшный плач, крики.

Вдруг я почувствовала, как пол под нами зашевелился и начал наклоняться.

Внизу мы увидели огонь — это была печь крематория, в которой сжигали людей. Те, что стояли ближе к печи, с криком свалились вниз. Мы тоже не могли удержаться и начали скользить к печи.

Но в это время произошло то, чего не ожидал никто. Пол стал подниматься. Когда он выровнялся, раскрылись двери и в помещение вошли комендант и тот самый немец, который приказал нам раздеваться. Комендант что-то сказал толстому по-немецки.

Нас облили холодной водой, которая лилась откуда-то

сверху. Некоторые женщины так хотели пить, что разевали рты и с жадностью пили эту грязную холодную воду. Нас вывели, построили в шеренги и приказали ждать, пока не подадут одежду… Оказалось, что перепутали эшелон: нас еще не должны были сжигать.

Через час на вагонетках подвезли какое-то тряпье и роздали нам. Женщинам дали одни летние платья. Мне досталась рваная белая юбка, доходившая до пят. Потом мы по одному подходили к немке, которая кистью ставила на плечах красный знак умножения («штрайфа»)[2]. В отдельном зале всех нас осмотрели и ставили клеймо. У меня на левой руке, ниже локтя, был поставлен номер 79645, у мамы — номер 79646, а у Мили — номер. 79644.

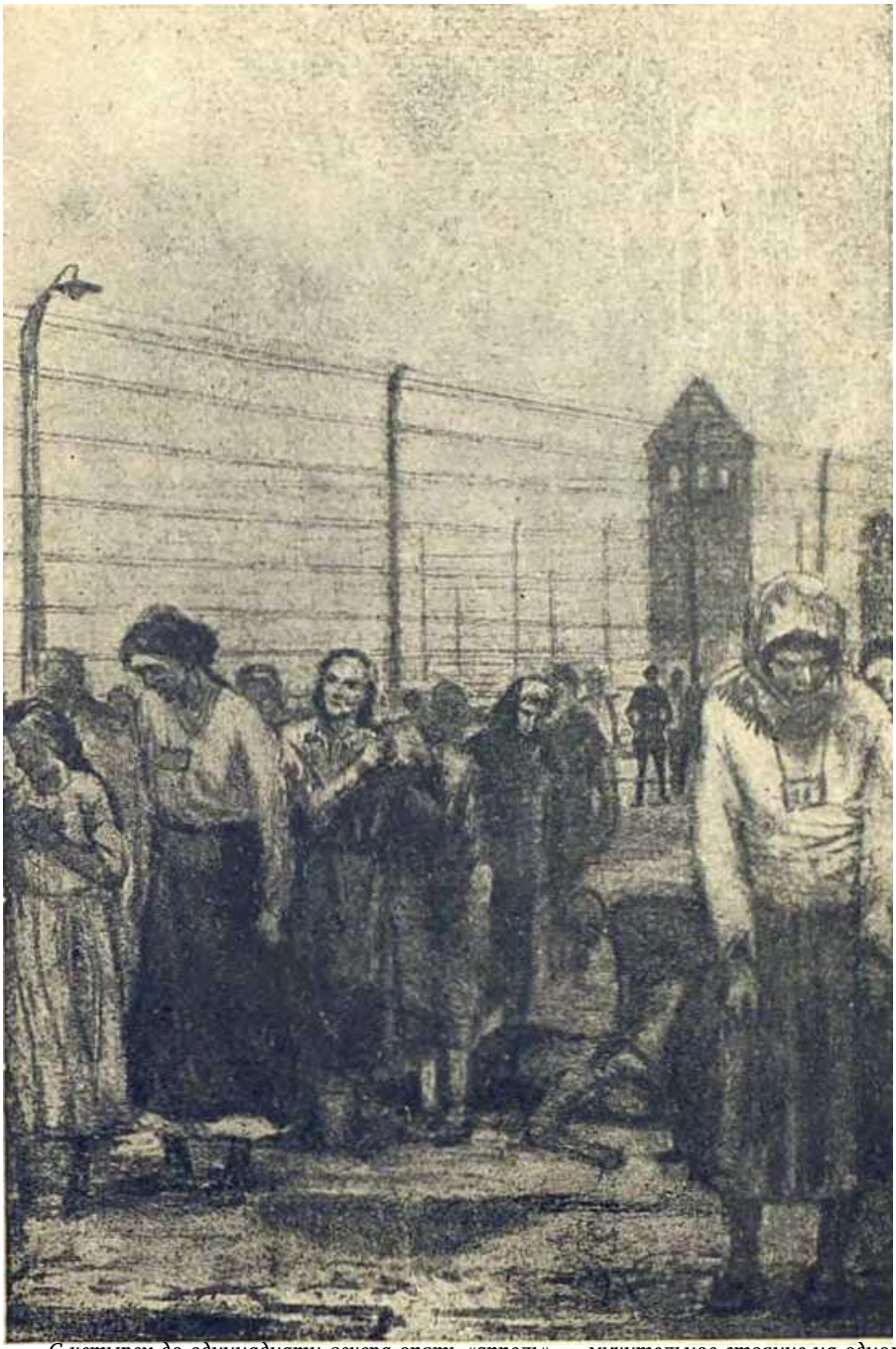
Когда окончилось клеймение, нас распределили по баракам. Я, мама и Миля попали в блок номер 11. Это было темное и тесное помещение. Нары размещались в три этажа. Людей было полно. Мы так устали, что повалились на нары и сразу заснули.

Тут мы отбывали карантин.

Ночью я проснулась от крика: «Аппель!»[3] Нас заставили выйти из блока и построиться по десять человек. С трех часов ночи до десяти часов утра мы простояли без движения под открытым небом. Это было очень тяжело. У людей подкашивались ноги. Многие падали от голода и изнеможения. Некоторые тут же умирали. На моих глазах умерли тети Надя, Дарья и другие. Трупы умерших уносили в крематорий.

В десять часов принесли тепловатую воду — чай, в котором плавали листья березы. Каждому дали по стакану. Позже выдали на пять человек по миске горького варева, без хлеба. Ложек не было, и мы его пили. От такого варева людей тошнило. В первый раз я его совсем не могла есть. Но пришлось привыкать.

После обеда, с четырех до одиннадцати вечера, опять «аппель» — мучительное стояние на одном месте.



С четырех до одиннадцати вечера опять «аппель» — мучительное стояние на одном месте.

Вечером мы получили сто граммов хлеба и стакан чаю. В одиннадцать часов объявлялся «лагерруэ» — покой. Нас загоняли в блок, и мы ложились спать. Но в тесноте и грязи заснуть сразу

не удавалось. И так каждый день.

Когда окончился карантин, женщин стали гонять на работу. Недалеко от лагеря был пруд. Немцы заставляли заключенных лезть в студеную воду и ведерками переливать ее в канаву, а потом из канавы обратно в пруд. За малейшее непослушание жестоко избивали.

В Освенциме я прожила больше года. Особенно было тяжело, когда меня разлучили с мамой и я около года не знала, где она и что с ней.

В конце 1944 года до нас дошли вести, что Красная Армия подходит к Освенциму. В лагере поднялась паника. Немцы стали уничтожать документы, сожгли бараки, взорвали крематорий, начали вывозить людей. Тех, кто не мог идти, расстреливали.

Помню, что нас выгнали во двор и построили в колонну. Начался отбор. Комендант лагеря Крамер, высокий, толстый, с вытаращенными глазами, смотрел, может ли идти человек или нет. На обессиленных он указывал пальцем, и их расстреливали.

Я с девочками стояла и тряслась. Каждый из нас думал: а что скажет комендант? Вот дошла очередь и до нас. Комендант взглянул на мою подругу Тому, что-то буркнул и показал пальцем, потом на меня. Я и Тома закричали и начали плакать. Немка, которая стояла рядом с комендантом, что-то сказала ему, и нас выпустили за ворота. Мы присоединились к другим людям.

В лагере слышались крики, стоны, плач, выстрелы. Это расстреливали забракованных женщин и детей. Горели дома, и черный дым вздымался в небо.

Здоровых построили в колонну по пять человек, каждому дали по ящику с каким-то грузом, и мы тронулись в дорогу. Идти было тяжело. Ящики резали плечи, болела спина. Силы падали. Я еле тянула ноги. Не вытерпев, я сказала Томе:

— Хоть меня и убьют, но больше нести не буду!

— Я тоже брошу, — сказала Тома.

Мы бросили ящики в канаву и пошли. Трое суток шли голодные. Тех, кто отставал, немцы пристреливали. Я знала, что меня тоже пристрелят, если отстану.

На ближайшей железнодорожной станции нас посадили на платформу и привезли в какой-то город. Мы очутились в концлагере, где было не лучше, чем в Освенциме. Нас разместили в бараках, в которых гулял ветер. Людей умирало еще больше.

Когда советские войска подошли близко к городу, немцы решили отравить всех заключенных. Пища была отравлена, но ее не успели раздать. В лагерь ворвались советские танки. Нашей радости не было ни конца, ни краю. Мы обнимались, целовались и плакали.

Через два дня нас отправили на родину. Дома я встретила маму и брата Сеню. Живой осталась и Миля. Она теперь живет в Борисове, и я с ней переписываюсь.

Катя Жачкина, 1931 года рождения.

Город Бегомль, Минской области.

НА ОКОПНЫХ РАБОТАХ

Осенью 1943 года фронт подошел к реке Проне. Деревня Хворостяны, где я жил, стояла в трех километрах от реки, и старики говорили, что наши скоро будут здесь. С нетерпением ждали мы прихода своих.

Мы жили в лесу: боялись, чтобы нас не перестреляли или не погнали в рабство, в Германию. Как только поднималось солнце, немцы, как гончие, бегали по кустам и ловили людей. Вечером мать и наша соседка Павличиха заговорили о том, где мне и их Ивану спрятаться на день.

— Оставаться тут нельзя, — сказала мама. — Пусть лучше идут в Чертово болото.

Уже рассвело, когда мы с Павлюковым Иваном вылезли из нагретой ямки. Ветви деревьев обросли инеем. Я дрожал от холода, и лезть в болото мне не хотелось. Решил заползти в бункер и просидеть там до вечера. О своем намерении я сказал Ивану. Тот не согласился, разозлился на меня и бегом кинулся назад. Я залез в бункер и распластался на соломе, как в постели. Рядом были другие бункеры. В них слышались плаксивые детские голоса. Я не заметил, как подкрался сон. Проснулся от женских криков. Не мог понять, в чем дело. Вдруг у входа зашатался лозовый куст и на меня уставилось черное дуло автомата. Я вылез и очутился перед немцем. Морда у него была красная и прыщеватая. Я стоял и чувствовал, как дрожь проходит по моему телу, темнеет в глазах. Толкнув меня рукою так, что я чуть не повалился, немец приказал идти вперед. Он пригнал меня к толпе хворостянцев, которых поймали в кустах и на болоте. Среди них был и Коля, с которым я учился в школе. Родных моих не было; видно, немцы не нашли их.

Нас гнали сперва полем, потом дорогой через березняк. Кусты кишели немцами. Они копали бункеры. Около дороги стояла легковая машина. Возле нее вертелся немецкий офицер. Когда мы проходили мимо, он схватил меня за руку, вытащил из толпы и оттолкнул в сторону. То же самое сделал с Колей. К нам подошел немец с винтовкой и погнал перед собой. Остановились у широкой глубокой ямы, где работали девчата. Нам дали лопаты и показали, чтобы мы лезли туда «арбайтен»[4].

Проработали весь день без передышки. Нам даже не разрешали разогнуться. Достаточно было это сделать, как немец гаркал во всё горло и угрожал винтовкой. К вечеру я совсем обессилел. Болели руки, ныла спина. Казалось, что не выдержу и упаду.

Когда совсем стемнело, нас посадили на грузовики и под конвоем перевезли в деревню Усушки, которая находилась в пяти километрах от наших Хворостян. Выгрузили и привезли в просторную хату. В хате горела керосиновая лампочка. Переводчик спросил наши имена, фамилии, домашние адреса.

За столом сидел толстый лысый немец и записывал со слов переводчика. Потом он что-то проворчал. Переводчик громко сказал:

— Задумаете убегать — поймаем и расстреляем. Не посмотрим, что вы дети.

Почти до самой зимы нас гоняли на работу из Усушек в Хворостянские березняки. Про своих родных я ничего не знал и не слышал.

Работа, которую мы выполняли, была непосильна для нас. Мы то копали бункеры, то носили бревна для накатов, Немцы смеялись и издевались над нами. Продуктов почти не выдавали, хоть и было назначено в день триста граммов хлеба.

Из Усушек нас перегнали в деревню Остров. Тут было еще хуже. Не считая женщин, подростков и стариков, нас, детей, было около двадцати человек.

Нам отвели маленькую хатку с окнами без стекол. У хорошего крестьянина, как говорили старики, коровы стояли в более теплом помещении. Только тут я узнал, что фронт продвинулся вперед и сейчас передняя линия не на Проне, а где-то у деревни Усушки. Мою деревню заняли наши. Как хотелось быть там!

Из Острова нас гоняли ночью под Усушки, на передовую, копать траншеи. Пули свистят над головами, а нас ставят на открытом поле, отмерят по пять, а то и больше метров — и копай. Землю сковал мороз, и местами мерзлота доходила до полуметра. Я выбивался из сил, пока выполнял свою норму. Часто только утром нас выводили из этой каторги.

Я начал задумываться, как бы избавиться от каторжной работы. Рад бы заболеть и заболеть так, чтоб не подняться. Но болезнь не шла. Убежать? Нельзя — сильно охраняли. А работать на немца очень не хотелось. Не выйти на работу тоже нельзя. Все же многие ухитрялись уклоняться от работы. И как немцы ни искали, ни выгоняли, ни пугали — ничего не помогало. Немцы знали про всё это и усилили контроль. Перед тем как идти на работу, выстраивали в шеренгу по списку. Но и тут люди додумались, как обмануть немцев. На проверку выходили все, а с дороги многие убегали. Узнали немцы об этой хитрости и ввели талоны. Как придешь с работы и сдашь патрулю лопату, тебе дают талон. Назавтра по этому талону выдавали лопату. У кого не

было талона, сажали в холодную.

Начал хитрить и я: еще днем прятал лопату, а когда выгоняли на работу, залезал под нары. Сидел тихо, как кот, потому что по хатам ходили немецкие патрули. Когда возвращались рабочие, я незаметно присоединялся к колонне. Я так наловчился, что три ночи подряд не выходил на работу. На четвертую — попался. Получилось это потому, что талоны роздали не на месте прибытия, как было раньше, а в дороге.

В хату вошел начальник нашей колонны и вызвал меня.

— Почему не был на работе? — спросил он через переводчика.

— Ботинки порвались, — ответил я.

Начальник озверел и так толкнул меня, что чуть дух не вышиб. Думал, что пристрелит: он любил носиться с револьвером.

Таких «преступников» собралось десять человек: восемь девчат, Вася из деревни Долгий Мох и я. Построили и под конвоем погнали к какому-то высшему начальнику. К нам вышел обер-лейтенант с переводчицей.

— Почему не работали?

Мы в один голос закричали:

— У нас нечего обуть! Мы босые. Не пойдем — зима…

Обер-лейтенант сверкнул глазами, буркнул что-то унтеру и скрылся за дверью.

— На три дня в холодную. Ночью будете копать окопы. Продуктов не получите ни грамма.

— Проучим… Босые будете ходить, — перевела переводчица и ушла.

Весь день просидели на морозе в сарае. Было очень холодно. Зуб не попадал на зуб. В щели заглядывали немцы, хихикали. Мы злились, но сделать ничего не могли.

На всю жизнь запомнится и немецкая «дезинфекция». Немцы собрали одежду и разные лохмотья, что были на нас, и отнесли в баню. Мы собрались в сарае голыми. Я не находил себе места от холода. Тело посинело и скорчилось. Мерз не только я, а все. Старикам, по-моему, было еще холоднее, чем мне.

Часа три немцы продержали одежду в бане. Это время показалось мне длиннее, чем вся моя жизнь. После этого я долго кашлял, появился насморк, головные боли. Решил сходить к доктору. Доктор, толстый маленький немец, издалека посмотрел на меня, усмехнулся в короткие усы и что-то пробурчал. Переводчица сказала:

— Доктор говорит: вместо одной нормы надо выполнять две. Это первое лекарство…

Вышел я из «амбулатории» молча, но в сердце моем всё

кипело. Если бы можно было, я бы разорвал на кусочки толстую свинью — доктора и немецкого прихвостня — переводчицу.

Весной из Острова нас погнали на запад, к Днепру. Жили в лесу, в бункерах. Каждый день гоняли поправлять дороги. С едой стало еще хуже. Если в Усушках и Острове мы находили кое-какую брошенную крестьянами еду, то тут об этом нечего было и думать. Деревни и в глаза не видели: из лагеря нас не выпускали ни на шаг. Убежать тоже нельзя было: вокруг стояла охрана.

Однажды, выбрав темную ночь, я подполз к бункеру, где хранились немецкие продукты. Маленькое оконце было над самой землей. Я осторожно вынул из рамы стекло и протянул руку. На мое счастье, там лежал хлеб. Вытащил семь буханок. Принес в бункер. Мы сели около хлеба полукругом — и семи буханок как не бывало. Меня потянуло еще раз сходить, и я опять побежал к «складу». Только достал две буханки, как с противоположной стороны скрипнула дверь. Схватив хлеб, я побежал к своему бункеру. Недалеко or него я спрятал хлеб под березкой. Немцы обнаружили пропажу и назавтра утром сделали обыск во всех бункерах, где жили колонники (так называли нас). Пришли к нам, выгнали всех из бункера и начали рыться. Перевернули всё вверх ногами, но хлеба не нашли: он был уже съеден.

Наступило время, когда всё чаще и чаще стали появляться наши самолеты. Они летали целыми стаями. С большой радостью мы смотрели на них, ожидая скорого освобождения.

Немчура зеленела от злости, а мы сияли.

Однажды нас гнали на работу. Только мы вышли из лесу на полянку, как в небе появились около двадцати советских самолетов. Подлетев, они дали несколько очередей из пулеметов. Немцы побежали кто куда. Теперь им было не до нас.

Мы все разбежались. Я бросился в рожь и лежал, не поднимаясь, часа четыре.

Вдруг до моих ушей донесся глухой гул, который с каждой секундой усиливался. Я насторожился и приподнял голову. Сквозь ржаные стебли увидел две немецких бронированных машины. Они двигались прямо на меня. Я испугался не на шутку, но не встал с земли, а прижался к ней еще плотнее и одним глазом наблюдал за движением машин. Подняться и бежать было невозможно. Я знал, что если поднимусь, немцы скосят из пулемета. Одна машина прогрохотала метрах в двух от меня. И теперь я удивляюсь, как хватило у меня выдержки улежать на месте. Когда броневики прошли, я пополз к кустам и набрел на нескольких местных женщин. Они приютили меня. Это была последняя ночь моих страданий в неволе.

Саша Мукгоров, 1930 года рождения.

Город Минск.

ДОРОГА В ОТРЯД

После боев с немцами всюду осталось много оружия. Я решил собирать его для партизан. Но одному это делать было страшновато. О своем намерении я рассказал своему другу Марату Добушу.

Вечером мы взяли мешки и прошли огородами в лес. Вскоре мы наткнулись на кучу гранат, которые лежали под молодой елочкой. Столько оружия мы еще никогда не видали.

— Что будем делать с гранатами? — спросил Марат.

— Надо спрятать.

Мы перенесли гранаты на опушку и закопали под ореховым кустом, а сверху засыпали листьями.

Потом опять пустились на поиски. В одном месте нашли станковый пулемет. Рядом с пулеметом лежал убитый красноармеец. Вокруг пулемета валялись стреляные гильзы. Пулеметчик, видимо, до последнего патрона вел огонь и погиб, как герой. Мы рассказали об этом деду Прокопу Сидоровичу. Дед сделал гроб, мы помогли ему выкопать могилу и похоронить героя-пулеметчика. Документов при красноармейце не оказалось, нельзя было узнать, как его фамилия и откуда он родом.

Пулемет мы притащили в деревню и спрятали возле хаты в старом погребе. В том же лесу мы нашли ручной пулемет, тол. Вскоре наш погреб превратился в склад оружия.

В деревню начали приезжать партизаны. Они осторожно выспрашивали, у кого есть оружие.

Я признался, что оружие есть у меня, но в первый раз дал им только десять гранат.

Во второй раз они приехали ночью и постучались в дверь. Мать перепугалась: она думала, — это немцы.

— Что вам надо? — спросила она.

— Где ваш Шура?

— Спит…

— Разбудите его.

Мать растолкала меня и сказала, в чем дело. Я сразу догадался и вышел во двор. Партизан было пять человек.

— Комиссар отряда просил, чтобы ты достал еще десяток гранат, — сказал один из них, видимо старший.

Я взволнованно прошептал:

— Это можно…

— Давай сюда.

— А на чем вы их повезете? — спросил я.

— Мы понесем на себе.

— У вас не хватит сил.

— А разве их так много? — удивились партизаны.

— Много, — сказал я и повел их к яме.

Когда они увидели, сколько в яме лежало гранат, то даже за головы схватились.

— Где ты столько набрал?

Я рассказал.

— Молодчина, — похвалил старший и приказал двум партизанам сходить в деревню за лошадью. Погрузив на воз гранаты, старший спросил, есть ли у меня запалы.

Старший спросил, есть ли у меня запалы.

Я сказал, что сейчас у меня нет, но могу достать.

Утром я пошел к Марату и рассказал, что было ночью. Марат выслушал меня и спросил:

— Где мы возьмем запалы?

Я открыл ему секрет. Недалеко от нас жил крестьянин Левановичь. Его сын Игнась принес из лесу ящик запалов. Об этом Игнась рассказывал сам. Где он спрятал ящик, я не знал. Игнась собирался поступить в полицию. Желая показать свою преданность немцам, он хотел отнести им ящик с запалами. Мы должны были отыскать их и выкрасть, чтобы запалы не достались врагу. Подкараулив, когда Левановичи ушли в поле, мы пустились в разведку. После долгих поисков мы заметили, что в одном месте земля немного свежее. Я взял кусок толстой проволоки и стал ковырять; проволока уперлась во что-то твердое. Это был ящик.

Мы вернулись домой радостные и начали ждать вечера. Как только стемнело, я и Марат подкрались к хате Левановича, осторожно откопали ящик и принесли к нам. Через день приехали партизаны и забрали его. В этот приезд мы отдали и пулемет. Партизаны от души поблагодарили нас за помощь.

Через некоторое время немцы сделали налет на деревню. Они схватили наших родителей. Я, мой брат Толя и Марат успели убежать в лес. Мы смотрели, что происходит в деревне, и видели, как наших родителей повели к лесопильному заводу. Мы сидели так недалеко от них, но ничем не могли помочь. От этого становилось еще больнее, и мы плакали. На другой день мы узнали, что наших родителей расстреляли за связь с партизанами.

И вот я, Толя и Марат остались круглыми сиротами. Возвращаться в деревню было опасно — нас тоже могли схватить немцы. И мы все трое пошли в партизанский отряд Бережнова.

Шура Немарко, 1932 года рождения.

Местечко Березина.

МОИ СТРАДАНИЯ

Немцы приезжали к нам в деревню со станции Старушки и забирали всё, что им хотелось. Нам не разрешали ходить в лес за сучьями, и мы жили в холодной хате. Было очень тяжело.

Перезимовали кое-как. Пришла весна. Папа и мама хотели что-нибудь засеять. Лошадей немцы забрали, надо было пахать на себе. Я вместе с папой запряглась в плуг.

Мама простудилась в поле и заболела тифом.

Вся ее работа легла на меня. Через две недели мама умерла. Она оставила нас, двоих детей. Младшему был один месяц, мне — восемь лет. По ночам я не спала, а всё укачивала брата. А днем надо было работать, окучивать картофель, полоть гряды. Отец попросил соседку, чтобы она помогла. Не было ни хлеба, ни молока, ни соли. На наше счастье, партизаны подорвали эшелон с солью. Ночью мы набрали много соли и закопали, чтобы не нашли немцы. Партизаны приезжали к нам за солью.

Однажды немцы окружили деревню и, начали сгонять в кучу всех людей, и старых и малых. Поставили пулеметы и спрашивают:

— Кто кормил партизан?

Староста сказал, что никто не кормил, что партизаны только прошли через деревню. Немцы отпустили нас, но предупредили: если будем кормить партизан, то всех сожгут. Но мы еще больше стали помогать партизанам.

Раз партизаны ходили на подрыв поезда, убили девять немцев, взяли два пулемета и семь винтовок. Сделав свое дело, партизаны остановились в нашей деревне. Утром я готовила блины. Слышу — выстрел. Это часовой дал тревогу. Мы все выбежали во двор. Деревню окружили немцы. Я вбежала в хату, схватила с постели одеяло и крикнула папе:

— Бери Мишу, убегай!

Партизан Митя сел на амбар и начал из пулемета бить немцев. Он стрелял, пока из деревни не выбежали все люди. Потом и он ушел в лес. Стоял большой мороз. Пробежала я немного, как у меня вдруг разулась нога. Пришлось идти босой, а снег по колено. Бегу, вокруг цвикают пули.

Так пробежала семь километров до деревни Грабово. Когда я вошла в какую-то хату, нога моя стучала, как деревяшка. Потом начала оттаивать и очень болеть.

Я не знала, где находятся папа и Миша. Но люди сказали, что Миша остался в нашей деревне. Дом наш немцы сожгли, но папа успел спасти из хлева корову, которую немцы не заметили. Он

оставил Мишу и корову у соседки, а сам пошел в партизаны. Я была очень рада, что они живы.

Когда папа узнал, где я, то пришел и принес мне одеяло. Потом привез партизанского доктора Римшу. Доктор снял с ноги мертвую кожу. Было очень больно, но я не плакала. Он перевязал мне ногу. Уезжая, доктор дал мне бинт и полосканье.

Папа решил забрать меня в лес, потому что на деревню часто нападали немцы. Он хотел нести меня на плечах, но я была тяжелая. Тогда он посадил меня на маленькие санки. Только мы отъехали, как люди говорят, что впереди немцы, — мы вернулись.

Папа ушел в лес, а я осталась в Грабове. Нога моя гнила, лекарства не было. Я лечила ногу так: надирала с дуба кору и парила ее и этой водой промывала. Ногу очень щипало.

Наступила весна. Было страшно, когда начиналась тревога: все убегают, а я не могу. Очень болела нога, отвалились пальцы. Сначала отвалился большой палец, потом мизинец, а потом средние.

Летом я перебралась в лес. Здесь мне стало лучше. Нога всё еще болела, но я начала понемногу ходить.

Немцы пошли на нас облавой. Они начали гоняться по лесу за людьми, — где ни послушаешь, всюду стреляют. И наконец всех нас переловили. Привели на какой-то остров и стали пускать красные ракеты. Потом погнали к станции. Как увидела я рельсы, так горько заплакала: думала, что повезут в Германию.

Но нас повезли в Грабово. В Грабово прибыли ночью. Выстроили в шеренгу и при свете фонариков пересчитали. Потом дали баланды — на двести человек бак. Втиснули нас в три амбара и у каждого амбара поставили часового. Назавтра разместили в хатах по пять семейств.

Через несколько дней немцы собрали всех людей на сход. Я думала, что они нас сожгут. Но они сказали:

— Кто хочет ехать в Германию, тому будет хорошо.

Никто не согласился. А на другой день совсем близко подошли наши, и немцы убежали. Мы все вернулись домой.

Тут я узнала, что моего папу убили немцы. Они поймали его в лесу, мучили, допрашивали, а потом расстреляли.

Я очень плакала и всё думала, что вот скоро придут наши и отомстят за издевательства. Однажды мы сидели в лесу, около шоссе и увидели, как удирают немцы и всё на ходу бросают. За ними появились наши. Все побежали им навстречу и кричали:

— Наши! Наши! Ура!

Мы все окружили советских бойцов, смеялись и плакали от радости. Я рассказала им о всех своих страданиях: как я отморозила ногу, как умерла мама, как и за что убили отца.

Теперь я живу с Мишей в детдоме в Петрикове. Учусь в пятом классе, учусь на «хорошо» и «отлично».

Женя Евстратова, 1933 года рождения.

МАТЬ И СЫН

Летом 1943 года к нам в деревню Новоселье, Пропойского района, нагрянул немецкий карательный отряд.

Молодежь вывезли из деревни на автомашинах, стариков, женщин и детей запили в колхозные амбары, где лежала солома, облитая керосином. Двери забили, а вокруг расставили пулеметы. Амбары поджигали одновременно — выстрелами из ракетниц.

Стоны, проклятья, вопли обезумевших детей и женщин заглушали гул пожара и стрельбу. Тех, кто пытался выскочить из огня, немцы расстреливали из пулеметов.

Мама заметила немцев, когда они вбегали в соседние дворы. Под полом у нас было сделано убежище, и мы спрятались в нем.

Под вечер, когда всё успокоилось, мы вышли из погреба. Амбары догорали. С пожарища валил черный смрадный дым. Кучи трупов валялись на площади. В живых из всей деревни осталось около десяти человек.

— Теперь, сынок, нам жить тут нельзя, — сказала мама. — Пойдем к партизанам.

Мы хотели пойти к партизанам с оружием. Мама знала, что в деревне Рокосец, в двух километрах от нас, в хате одного колхозника немцы хранили оружие.

— Ты знаешь, где это, — сказала она. — Окна хаты выходят на огород, в садик. Часовой стоит у крыльца. Ты подползешь к окну, влезешь в хату и возьмешь оружие.

Назавтра утром я встретился со своим товарищем Васей. Я рассказал ему о своем намерении, и он захотел пойти со мной.

В гарнизон мы пошли в полдень. Прошли жито и по картофельной ботве подползли к хате. Подмяли головы из ботвы, послушали, посмотрели вокруг — никого. Стекла в окне не замазаны, а прибиты сапожными гвоздиками. Я вытащил гвоздики и вынул стекло. Мы вскочили в комнату. У стены стояло много винтовок. Посредине хаты штабелями были сложены ящики с минами. В одном ящике, без крышки, лежали патроны. Мы выбросили по две винтовки, а потом набили пазухи патронами и выскочили. Я вставил стекло и воткнул гвоздики на место.

Вокруг по-прежнему никого не было. Я пожалел, что мы поспешили и мало взяли винтовок, но подумал, что можно будет прийти в другой раз.

Когда мы дошли до нашей хаты, я спросил Васю:

— Ты что будешь делать со своими винтовками?

— А ты что?

— Я не для себя… Я их передам партизанам. Но этих мало. Может, в другой раз сходим?

— Ладно, — согласился Вася.

— Пойдем к нам, — пригласил я его.

Мама дала нам завтракать. Кушая, мы рассказали ей, как доставали оружие. Она вздохнула и сказала:

— Молодцы, детки, только никому про это не говорите.

Винтовки и патроны она положила в большой мешок и обкрутила его веревками.

Под вечер она снесла оружие в отряд и вернулась только ночью. Назавтра я спросил маму, что сказал командир.

— Сказал, чтобы мы собирали оружие, — ответила она.

— А скоро ли мы пойдем к партизанам?

— До зимы будем жить здесь. А станет более опасно — перейдем к партизанам. Я рассказала командиру, что это оружие ты достал. Он тебя похвалил и просил достать еще.

Мне было очень приятно, и я ответил:

— Мамочка, если просил сам командир, то схожу еще раз…

— Ладно, только будь осторожен.

Мы с Васей сходили еще два раза и принесли восемь винтовок и около тысячи патронов. Только делали это не днем, а вечером.

В четвертый раз решили опять пойти днем. Солнце пекло, мы задыхались от жары.

Мы подползли к окну, тихонько открыли его. Влезли в хату. По-прежнему у стены винтовки, в ящиках лежат патроны. Но что это?.. В углу стоит двухэтажная койка, покрытая одеялом. А около нее на небольшой вешалке два френча. На каждом из них висит по кобуре. «Наверно, наганы», — подумал я. Быстро отстегнул их, сунул один наган за пазуху, а другой дал Васе. В пазуху наложили патроны, взяли по две винтовки и выскочили в огород.

И вдруг калитка во дворе скрипнула… Вышел толстый, заспанный немец. Мы застыли, как окаменелые, и со страхом следили за ним. И вот немец поднял глаза и увидел нас. Он выхватил пистолет и кинулся к нам. В глазах у меня потемнело, руки и нога тряслись, и я еле удерживался на ногах, а Вася кричал: «Ма-ма! Ма-м-а-ма!»… Немец стукнул каждого из нас наганом под подбородок. Вася заплакал и начал бормотать:

— Мы ничего… Мы, мы так…

Немец погнал нас в комендатуру.

В комендатуре он что-то кричал, рассказывал коменданту. Мы молча стояли перед ними. Я смотрел себе под ноги и ничего не видел. В глазах плыли разноцветные круги. Пазухи наших рубах отвисли от патронов.

Кликнули переводчика.

В комнату вбежал маленький, худощавый, быстрый человек. Комендант что-то сказал ему вполголоса. Переводчик подскочил к нам и вытянул наши рубахи из-под ремней.

Переводчик подскочил к нам и вытянул рубахи из-под ремней·

Наганы выпали, и патроны кучей посыпались вниз, больно ударяя по босым ногам. К горлу подступал комок, хотелось плакать.

— Откуда вы, щенята? — спросил переводчик.

Вася ответил заикаясь:

— И-из Новоселья…

— Кто вас послал сюда красть оружие?

Вася взглянул на меня и, захлебываясь, забормотал:

— Я… Я… Мы… ничего… Я не виноват.

— Ты не реви, а скажи толком! — закричал переводчик.

Вася еще громче заплакал.

Переводчик оставил его и подошел ко мне.

— Ну, а ты, щенок, что скажешь? Кто послал тебя сюда?

Я молчал.

— А, ты не хочешь по-хорошему? — крикнул переводчик и взглянул на коменданта. — Я другим способом заставлю тебя говорить. — И он несколько раз ударил меня плеткой.

Я сорвался с места и забегал по комнате.

Полицейский сбил меня ударом сапога в живот. Не помню, что было дальше, куда девался Вася я что с ним стало. Я очнулся в темном сыром погребе. Я не мог понять, что теперь: ночь или день. Меня мучила мысль: «Почему со мной нет Васи?.. Может, он рассказал всё и его отпустили?» И чем больше я об этом думал, тем страшнее становилось. Потом я начал дремать и, наконец, заснул.

Измученный усталостью и болью, я то засыпал, то просыпался. По углам шныряли и пищали мыши. Скоро ли откроют двери? Ожидание тянулось бесконечно долго.

Зашаркали чьи-то шаги. Загрохотал замок. Открылись двери и вошел полицейский.

— Эй, вылезай, голубчик! — будто приветливо позвал он.

Я вышел, шатаясь, и заслонил ладонью глаза от света.

— Понравилось? — усмехнулся полицейский. — Наверно, теперь всё скажешь.

И он повел меня к гестаповцам. В комнате был комендант и с ним несколько полицаев. Меня встретили ласково, посадили и опять начали спрашивать про то же: имя, фамилию, откуда я, кто меня посылал. Если скажу, обещали сразу же отпустить домой.

Я молчал. Тогда переводчик спросил:

— Ты, наверное, есть хочешь? А?

— Ага, — ответил я, — со вчерашнего дня ничего не ел.

— Так вот почему ты не можешь говорить! Хорошо, хорошо, садись к столу.

Мне дали два ломтя хлеба с маслом. Я схватил их и с жадностью начал есть, поглядывая на коменданта. Он усмехнулся и кивнул головой.

— Гут, гут![5]

Переводчик сказал:

— Тебя, наверно, подговорили, да? Они нарочно посылают детей, чтобы их убили. А мы сделаем иначе. Ты нам только расскажешь, и мы тебя отпустим. Хорошо?

Я ел и молчал. Тогда комендант закричал и стукнул кулаком по столу. Один гестаповец вырвал у меня недоеденный ломоть хлеба, а двое схватили и вынесли в соседнюю комнату. Бросили меня на длинный низкий стол и перевернули спиной вверх. Один прижал мне ноги, другой голову. Третий ударил меня плетью по спине. Я закричал и попытался пошевелить ногами, но тронуть их с места не мог. Раз за разом ложились удары. Я корчился, извивался и кричал.

Кончив бить, меня посадили на стол. Но я не мог сидеть. Тогда на меня вылили с полведра воды. Я соскользнул со стола и грохнулся об пол.

Очнулся от удара сапогом в спину.

Немец снова поволок меня к коменданту.

— Есть хочешь? — спросил переводчик.

— Пить и есть, — ответил я.

Все как-то удивленно переглянулись между собой и подали мой недоеденный кусочек хлеба. Потом переводчик налил в стакан воды и сказал:

— Вот вода, но выпьешь ты не раньше, чем скажешь, что у тебя спрашивают.

Я ел хлеб, не ожидая воды, и молчал.

Каждый раз, как только я откусывал хлеб, меня два раза ударяли плетью. От боли я вскрикивал и срывался с места. Но я не прекращал есть, стараясь откусывать побольше. Последние удары были такие сильные, что я потерял сознание. Меня облили водой и бросили в тот же погреб.

На следующее утро опять привели к коменданту.

В комнате стояла мать. Я ее сразу не узнал. Она была без платка, растрепанная, а под глазами у нее были страшные черные круги.

— Сынок мой… Что они с тобой сделали? — ступив шага два ко мне, сказала мать.

Палач толкнул ее, и она упала на пол.

— Вот твоя мать, — сказал переводчик. — Она пришла освободить тебя. Если ты скажешь, кто тебя послал и где партизаны, мы вас обоих отпустим.

Они внимательно следили за нашими глазами.

Я молчал.

— Ты молчишь! — озверел переводчик и крепко ударил меня плетью.

Мать встрепенулась и закричала хриплым голосом:

— Палачи! За что вы его бьете? Виновата я! Я сама посылала его за оружием. Оружие нужно партизанам, чтобы уничтожить вас, проклятых!

На нее набросились немцы и при мне начали ее избивать. Мама стонала и не промолвила больше ни одного слова. А меня втолкнули в какую-то темную каморку. Просидел я там не знаю сколько времени, и вот приходит полицай и говорит:

— Можешь идти.

— Куда? — спросил я, ничего не понимая.

— Куда хочешь.

Как только я выбежал на улицу, четыре немца загородили мне дорогу. Двое схватили меня за руки, понесли к колодцу и бросили головой вниз.

Вода была очень холодная, и я сразу очнулся. Как очутился на ногах, никак не мог понять.

Ледяная вода доходила мне до груди. Я дрожал от холода и старался выкарабкаться, хватаясь за скользкий, покрытый зеленой плесенью сруб.

Наверху заскрипело ведро и вскрикнула женщина. Я стал подавать ей знаки руками, потому что говорить не мог. Женщина взялась за веревку и стала опускать ведро. Как только ведро коснулось воды, я обхватил руками веревку, влез в ведро, и меня подняли наверх.

Нас обступили. Я лежал на траве и плохо понимал, что со мной происходит. Меня перенесли в хату и переодели. Перевязали и положили на печь.

Через несколько часов я очнулся. Женщина меня покормила и отпустила домой.

Я осторожно вышел из деревни и пошел к дому. В нем всё было разгромлено, кровати перевернуты, посуда побита, все наши вещи валялись в куче.

За хлевом я нашел свою маму. Она лежала боком, лицом к стене. Сначала я думал, что она спит. Наклонившись к ней, я увидал, что она мертва.

Я долго плакал около нее, пока меня не сморил сон.

Проснулся от холода. Было утро, но солнце еще не всходило. Я пошел искать лопату. Долго ходил по закуткам двора и никак не мог найти. Перебравшись через забор, зашел на соседний двор. В хату я не входил, потому что знал, что живых там никого нет.

Со двора перешел в огород, в борозде картошки нашел лопату.

В деревне не было ни души. Где и как похоронить маму, никак не мог придумать. Потом стал копать яму около ее трупа. Отнести ее в другое место не было силы.

Яма получилась маленькая и не имела никакой формы, а копать больше не хватило сил.

У меня очень болели ноги, спина и руки, кружилась голова.

Я бросил работу, поцеловал маму и пошел в хату.

Среди рваной одежды выбрал более целые штаны и рубашку. Переодевшись, перекинул мешок через плечи и вышел.

Я шел к партизанам. Они были от нас километрах в десяти, но я не знал ни фамилии командира, ни названия его отряда.

Перед самым лагерем меня остановили постовые и начали расспрашивать. Но я расплакался и ничего не мог рассказать.

В лагере женщина-доктор сразу же перевязала мои раны. Пришел командир и партизаны. Пока меня перевязывали, я рассказал им, что со мной было. Все внимательно слушали. Один старый партизан сказал:

— Ничего, сынок. Не робей. Будешь жить с нами. А за мамку твою отомстим!

Я лежал в отдельной землянке рядом с ранеными партизанами. Раны мои заживали медленно, а потом начала слезать кожа с плеч и головы. А когда я поправился, то стал плохо говорить и слышать[6]. Меня все любили, я жил как в родной семье. Ходить на задание мне не разрешали, хоть я и просился. Мне поручали разные хозяйственные работы, и я охотно их выполнял.

Когда пришли наши, меня поместили в детский дом.

Иван Симонов, 1932 года рождения.

Город Могилев, детский дом.

ШТАБ В ДЯДИНОЙ ХАТЕ

Мой старший брат Петр был связан с партизанами отряда Синюкова, который действовал в Барановских лесах. На ночь он уходил из дому, а днем мирно работал в поле.

Однажды вечером, придя домой, Петр сказал мне:

— Павел, ты должен завтра поджечь дядину хату, где помещается немецкий штаб. Пойдешь с нашим Янкой поздно вечером и бросишь туда бутылки, которые я вам дам. Ты не побоишься?

Я сказал, что не побоюсь, хотя и показалось страшным.

Мой дядя с семьей жил в то время у нас потому, что немцы выгнали его из хаты. Но я ничего не сказал дяде. Всю ночь я ворочался с боку на бок, думая про завтрашнее дело.

Назавтра Петра весь день не было дома. Я рассказал Янке, какое дело поручается нам. Он и хотел и боялся. Ему было тогда восемь лет, а мне десять.

Под вечер пришел Петр. Он вывел нас во двор. С ним вышел и отец. Петр начал объяснять нам, что и как надо делать.

— Бросайте вместе: один в одно окно, второй в другое. Больше всего берегитесь, чтобы не разбить бутылку: тогда вы сами сгорите.

Он повел нас в хлев, достал бутылки и дал мне одну, другую Янке. Отец тихо сказал нам, чтобы мы были осторожны, и ушел в хату. В хате громко заговорили, и мать заплакала. Петр рассказал, как нам идти.

Когда мы немного отошли от дома, то услышали, как сзади тихо стукнула дверь, заскрипела калитка. Видно, кто-то из наших выходил во двор.

Мы шли огородами. Была осень. С самого утра, как сквозь сито, цедил мелкий дождик. Мокрая грязь прилипала к ногам. Бутылки в карманах казались очень тяжелыми. Страшно было подумать, что кто-нибудь из нас в темноте может за что-нибудь зацепиться, упасть и разбить бутылку. Хата дяди Якова стояла посредине, а с обеих ее сторон хат двадцать занимали немцы. По улице шли немецкие машины с потушенными огнями.

Наконец мы добрались до дядиной усадьбы. Янка сказал:

— Давай пойдем в сарайчик, где лежат жернова, и будем ждать, сколько надо.

Хата стояла под тремя большими раскидистыми вербами. Одно окно ее выходило на улицу, а два в вишнячок за домом. На дворе у крыльца дежурило двое часовых.

Ждали мы очень долго, наверное часа три, пока всё в штабе

утихло. Часовые присели и накрылись шинелью.

— Чего они сидят? — сказал я.

— Верно, курят, — догадался Янка. — Видишь, мелькает огонек.

Тогда мы вышли из сарайчика и перешли в вишнячок. Близко от нас были два окна, закрытые черной бумагой. Я подкрался к окну и заглянул в щель. Немцы ложились спать. Я вернулся к Янке и сказал, что надо готовиться. Он дрожал и хотел убежать домой, но я уговорил его остаться. Мы взяли в руки бутылки и ждали, пока погаснет огонь. Потом подошли немного ближе к окну. Я взял бутылку за горлышко, примерился и с силой бросил в окно.

Я взял бутылку за горлышко, примерился и с силой бросил в окно.

Послышался звон стекла, взрыв, и в хате блеснул огонь. Одновременно Янка бросил бутылку во второе окно. Из окна вырвалось пламя и охватило всю хату.

Мы побежали за хлев и бросились в поле. Не знаем, что там делалось, когда загорелась хата, только позади себя услышали

несколько выстрелов.

Когда мы остановились и оглянулись, то увидели, что огонь уже охватил соседние хаты. Поднялась суета, крики. Только в нашем конце деревни было тихо. Мы побежали домой.

Мать всё время плакала, но, увидев нас, повеселела. А дядя спросил:

— Ну как, дорогие племянники, зажгли мою хату?

— Хорошо горит! — засмеялись мы.

Тут прибежал в хату Петр и сказал, что немцы ловят и стреляют людей. Мы все выскочили из хаты и побежали в поле. Вдруг видим — навстречу нам из лесу бегут люди. Это были партизаны. Они со всех сторон напали на немцев. Застрекотал пулемет, начался большой бой. Я догадался, что с партизанами было договорено, что мы в эту ночь подожжем штаб, а они нападут на немцев.

Всю ночь продолжалась стрельба. Назавтра мы узнали, что партизаны уничтожили и прогнали немцев. Сгорело девять хат.

Через неделю нашу деревню окружил карательный отряд. Но партизаны разбили и его.

Теперь у моего дяди Якова Анисовца новая хата с большими окнами. Стоит она под теми же тремя вербами. Вербы уже обросли новой корой и весною зазеленеют вновь.

Павел Анисовец, 1932 года рождения.

МОЙ БРАТ

Было это зимой. Немцы возили из лесу дрова. Я, мой брат Володя, его товарищ Алесь Абрамов, Толя Байков и другие играли на улице около казармы. Вышел немецкий офицер и позвал нас к себе. Когда мы подошли, он выбрал самых больших и сильных и повел во двор казармы разгружать машины с дровами.

Я был меньше остальных, и меня не взяли. Вернувшись с работы, Володя по секрету рассказал мне, что произошло при разгрузке.

Несколько немцев тоже разгружали дрова. Они так вспотели, что сбросили с себя верхнюю одежду. Винтовки и револьверы лежали тут же, около одежды.

На крыле переднего колеса автомашины лежала шинель, под ней в кобуре револьвер. Володя вспомнил, как однажды товарищ Маньковский сказал ребятам: «Вот вы третесь около немцев, покупаете у них папиросы и всякую дрянь, а „одолжить“ оружие не догадаетесь. А оно нам очень нужно». Володя решил завладеть револьвером..

На дорожке он заметил толстый согнутый болт и подумал, что болт может ему пригодиться.

Улучив удобный момент, Володя поднял болт, быстро отстегнул кобуру, взял револьвер, а на его место положил болт. Солдаты стояли к нему спиной и ничего не видели. Сунув револьвер в карман, Володя взял полено и понес к штабелю.

Штабель плотно прилегал к дощатому забору, который отделял двор от улицы. Володя подошел к забору, оглянулся и, не увидев никого, кто мог бы заметить, ударил бревном о доску. Доска отскочила от жерди, к которой была прибита. Володя положил револьвер на дрова и накрыл его бревном.

Товарищи заметили это и обрадовались. Володя погрозил им кулаком, и они снова принялись за работу. Вскоре зазвенел звонок на обед. Немцы быстро разобрали свои шинели, оружие и пошли в казарму. Ребята тоже ушли со двора.

— Мы всё видели, — сказал Толя.

— Если немцы дознаются, что пропал револьвер, то начнут искать, будут допытываться, кто взял. Говорите, что не видели и ничего не знаете, — сказал Володя.

На углу он остановил товарищей и шепнул:

— Пока немцы не спохватились, надо взять револьвер. Вы наблюдайте, а я пойду, — брат быстро подошел к выбитой доске, просунул в щель руку и вытащил оттуда револьвер. Спрятав его в карман, он махнул товарищам: «Идите, мол, прямо…» А сам

зашагал по другой улице. Придя домой, он спрятал револьвер под доски тротуара.

На следующий день, утром, мать погнали копать окопы. Я и Володя остались дома. Мы играли с меньшими детьми. В сенях послышался грохот, и в, хату вошли три немца. Они начали допытываться про револьвер.

— Ничего не знаю… — ответил Володя.

Немцы перерыли в хате всё, но оружия не нашли.

Неудача разозлила их. Они набросились на Володю и избили его до крови. Но и это не помогло. Брат говорил одно и то же:

— Никакого револьвера я не видел.

Я и жалел брата и гордился его смелостью.

Немцы забрали Володю и повели в гестапо.

Офицер, который вел допрос, сначала хотел взять лаской. Он сказал: если Володя признается и отдаст револьвер, то его сразу отпустят домой и дадут подарок. Но офицер старался напрасно. Володя не признавался. Тогда его начали бить. Потом посадили в холодную. Когда и это не подействовало, немцы собрали всех товарищей Володи и сказали, будто бы они выдали друг друга. Остается выяснить, кто из трех виноват. При этом немцы внимательно следили за мальчиками.

— Я не брал, а если кто брал или видел, пусть скажет, — говорили они.

Убедившись, что от них ничего не выведаешь, Толю и Алеся отпустили, а Володю продолжали мучить. Но никакие муки не смогли сломить его упорства. Фашистам надоело возиться с ним, и они решили прикончить брата.

Его повели в камеру смерти.

Когда он вошел, то увидел двух немцев, которые держали большой мешок. Володя не раз слышал про эту казнь. Так немцы расправлялись с партизанами, которые на допросе отказывались говорить. Они завязывали человека в мешок и бросали под лед в Днепр.

Брат невольно остановился у двери. К нему подскочили два жандарма. Один схватил Володю за руки, другой за ноги, подняли и сунули его в мешок. Володя громко заплакал и попробовал дрыгнуть ногой. Его ударили сапогом в бок. У Володи заняло дух. Он застонал и замолк. Его подняли, вынесли на двор и кинули в автомашину. Через несколько минут грузовик затарахтел и тронулся с места.

Володе показалось, что в кузове, кроме него, никого нет. Он попробовал выбраться из мешка. Собрал в комок мешковину и прогрыз в ней зубами небольшую дырку. Затем он пальцами стал разрывать мешок. Когда дырка увеличилась, он засунул ногу и

обе руки, напрягся, и мешок разорвался. После этого Володя осторожно высунул голову и осмотрелся. В кузове действительно никого не было. Машина быстро мчалась по дороге. Володя сбросил с себя мешок, ухватился руками за борт, изловчился и прыгнул с машины под уклон, в снег.

Недалеко был лес. Володя пополз. Руки деревенели от холода, но он не обращал на это внимания. Ему хотелось быстрее добраться до леса, который укроет его от немцев.

Он успел отползти с полкилометра, как вдруг услышал конский топот. По дороге ехал полицай на коне. Увидев Володю, полицай погнался за ним. Володя хотел подняться и бежать, но в этот момент полицай крепким ударом плети сбил его с ног.

Полицай пригнал Володю в Шклов и сдал в комендатуру. Его посадили в тюрьму, допытывались, кто он и откуда. Володя не признался. Через несколько дней Володю перевели в лагерь. Вместе с другими его гоняли копать окопы вокруг города.

Я часто носил ему передачу. Во время наших встреч брат рассказал мне, как немцы издевались над ним в гестапо, как он спасся от смерти. Однажды он сказал мне, где спрятан револьвер. Я отыскал револьвер и через Володиных друзей передал товарищу Маньковскому.

В лагере Володя пробыл до отступления немцев. Уезжая, немцы вывезли его в Германию. Из Германии Володя до сих пор еще не вернулся.

Коля Кавкулин, 1931 года рождения.

Город Шклов.

В ТЕ ДНИ

После больших боев с фашистами осталось много оружия. Мы с дедушкой собрали винтовки, пулемет и спрятали их в лесу. Весной немцы убили всех моих родных, и меня взял к себе дядя.

Живя у него, я часто ходил в свою хату, которая стояла теперь пустой, и вспоминал, как мы хорошо жили, где и что у нас лежало. Случалось, что находил вещи, спрятанные родителями.

В крыше над кладовой я нашел бинокль. Я влез на крышу клети. Отсюда была видна соседняя деревня Княжицы. В ней размещался немецкий гарнизон. Было очень интересно смотреть на деревню в бинокль: видно, как ходят и ездят люди, как полицаи катаются по улице на велосипедах. Около деревни, на пригорке, немецкие укрепления, обнесенные деревянной стеной. По этой стене ходят часовые.

Однажды в теплый летний день я с деревенскими мальчиками играл в чижа. В разгар игры из-за дома показался человек в порванной куртке, лаптях, с длинной седой бородой. Нищий да и только. Мы начали присматриваться к нему. Он прошел еще несколько шагов, завернул за угол и поманил меня пальцем. Я подошел.

— Узнаешь меня? — спросил он.

— Нет.

— Я — Поповский, из Щеглицы, — он тронул бороду. Теперь я увидел, что у него не своя борода, а приклеенная.

— Немцы есть в деревне?

— Нет.

— Я пришел вот за чем. У тебя, наверно, осталось от дедушки оружие. Отдай его нам. Оно нам очень нужно.

— Есть. И дедушкино, и мое.

— А ты можешь его принести?

— Нет, его много. Я вам покажу, где оно спрятано.

Он оглянулся по сторонам и быстро сказал:

— Встретимся в щеглицком лесу, около просеки. Я приду туда вечером. Хорошо?

— Хорошо.

Вечером мы встретились в условленном месте. С Поповским было еще два партизана. Я повел их в лес и отдал оружие, спрятанное там. Поповский спросил, где я собрал столько оружия. Я рассказал, как мы с дедом собирали и прятали оружие. Он обнял меня и поцеловал.

Когда они увозили оружие, Поповский подхватил меня подмышки и посадил на воз, сам сел рядом со мною. Погладив

меня по голове, он весело сказал:

— Молодчина! Я обязательно заберу тебя с собой.

Он был командиром партизанской разведки и мог это сделать. Они вывезли меня из лесу. Я пошел в свою деревню, а они поехали в лагерь.

Через несколько дней ко мне заехали Поповский, командир роты Паничевский и разведчик Калинин. Они просили меня посмотреть, есть ли кто на дороге в Княжицы. Не успел я выйти за деревню, как увидел немецких верховых. Я изо всех сил помчался назад. Прибежал и сказал об этом партизанам.

Потом я увидел конных немцев уже в деревне. Они ехали галопом.

Я увидел конных немцев. Они ехали галопом.

Как только немцы поравнялись с нашей хатой, партизаны открыли огонь. Офицер, который ехал посредине, первым упал на землю. За ним полетел из седла второй немец. Третий повернул и галопом помчался назад. Пуля настигла и его, он покачнулся в

сторону, но не свалился, а повис на стременах. Как обезумевший, конь помчал своего седока в гарнизон.

Партизаны взяли документы и оружие убитого офицера и начали собираться.

— Теперь тебе у дяди оставаться нельзя, — сказал Поповский и посадил меня на своего коня. Мы приехали в деревню Севастьяновичи, которая была в пятнадцати километрах от нас. В ней стояла целая рота партизан.

Я привык к партизанской жизни. Отряд, в котором я жил, состоял из молодых хлопцев. Я поправился им, и они меня полюбили. Я выполнял различные отрядные работы, чистил оружие. Вскоре научился стрелять из карабина, револьвера, пистолета и даже пулемета. Немного позже меня начали посылать в разведку.

Однажды утром меня позвал командир взвода и сказал:

— Сегодня пойдешь в разведку в деревню Княжицы. Там немцы копают окопы, и надо разведать, в каких местах. Понял?

— Понял.

Я надел рваную куртку, грязные штаны, дырявую шапку. Через плечо повесил большую грязную торбу. Теперь я был похож на мальчика-нищего. В таком виде я отправился в гарнизон.

Я заходил в крестьянские хаты и просил хлеба, а сам тем временем высматривал и всё запоминал. За время войны я привык ко всяким неожиданностям и не чувствовал никакого страха.

Обойдя все хаты, направился за деревню, где копали окопы. По краям окопов, опустив вниз ноги, сидели немецкие надсмотрщики и что-то ели из котелков. Один немец подозвал меня к себе и спросил, что мне тут надо. Я попросил у него хлеба. Другой, который сидел рядом, вынул что-то из сумки и протянул мне. Но я не успел взять, как первый немец крепко стегнул меня кнутом по спине. Я вскрикнул от боли и быстро побежал прочь.

Всего я насчитал пятнадцать разных окопов вокруг деревни. Среди них было два больших блиндажа с пулеметными гнездами.

Вернувшись в отряд, я обо всем рассказал командиру взвода. Вечером командование объявило мне благодарность. Я был очень рад, что хорошо выполнил первое задание.

После этого меня стали чаще посылать в разведку.

Ваня Саульченко, 1932 года рождения.

Город Шклов, детский дом № 1.

ГИБЕЛЬ «ТИГРА»

Перед войной мои родители поехали на работу в Западную Белоруссию. Мы поселились в районном центре Жабчицы, Пинской области. Папа работал заведующим гаражом, а мама — шофером.

Весной 1941 года мне минуло семь лет, и я с нетерпением ждал дня, когда пойду учиться в школу.

Мы собирались поехать всей семьей 22 июня в Пинск фотографироваться. Даже бабушка не хотела оставаться дома.

Накануне я лег спать пораньше. Но поспать так и не удалось.

Я проснулся от страшного грохота: где-то совсем близко раздался взрыв, за ним второй, третий… Было пять часов утра. Папа быстро оделся и пошел в гараж. Я, мама, бабушка и младший брат Шурик спрятались в поле. Отсюда я видел, как горели дома, рвались бомбы.

Немецкие самолеты бомбили через каждые два часа. Ночевали мы в поле, а утром пришли домой.

От соседей узнали, что папу мобилизовали в армию, и он еще вчера выехал на машине.

Больше мы его не видели.

Вечером немцы опять бомбили.

На второй день маму вызвали в военкомат. Там ей дали машину, нагруженную женщинами и детьми, и приказали вести на восток. Мать посадила нас в машину, и в тот же день мы выехали из города.

В Житковичах мама сдала машину, и дальше мы поехали эшелоном. В дороге заболела бабушка. В Речице мы сошли с поезда. Мама расспрашивала у местных жителей: что за город? Можно ли здесь устроиться на работу? Поселились на Вокзальной улице.

Все думали, что скоро немцев отгонят и мы опять вернемся домой. Но немцы всё шли и шли вперед. Вскоре они заняли и Речицу. Жить стало тяжело. Нечего было есть, денег тоже не было.

Мы скрывали от мамы, что голодаем. Иногда она приносила картошку, а зимой пекли картофельную шелуху. Шелуха становилась сухой и казалась очень вкусной.

Шурик нашел где-то маленький круглый портрет товарища Сталина и спрятал его на печке, под кирпичом. Вынет его бывало, поцелует и заплачет, мне даст поцеловать и спрячет. Потом мы показали портрет маме и бабушке. Так бывало насмотримся, и про горе забудем. Я всё время рисовал, как пушка со звездочкой

подбивает немецкий танк. Мне очень хотелось, чтобы поскорее пришли наши.

Как-то вечером мама вернулась веселая.

— Скоро наши придут, — сказала она.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

Тогда мама показала мне листовку и газету «Комсомольская правда» и прочитала про суд над немцами в городе Краснодаре.

— Надо, чтобы об этом узнали все наши люди, — сказала мама и приказала мне незаметно разбросать пачку листовок на бирже.

Потом она еще несколько раз давала мне листовки, и я разбрасывал их в городском управлении, на бирже и всюду, где бывали советские люди.

Однажды я играл на улице. Вдруг меня позвали домой. Когда я вошел в комнату, мама плотно закрыла двери и задернула занавески на окне.

— Толик, ты хочешь, чтобы скорей пришел наш папа? — сказала мама.

— Конечно, хочу.

— Тогда ты должен помочь мне. На углу Луначарской и Ленина стоит немецкий танк «Тигр». Я дам тебе мину, ты сейчас пойдешь со мной и подложишь ее под танк.

— А если немцы поймают нас, то расстреляют? — спросил я.

— Если сделать осторожно, всё будет хорошо. И ты поможешь нашим прогнать немцев.

Мама вышла во двор и вскоре принесла что-то, завернутое в тряпку. Когда она развернула тряпку, я увидел небольшую черную коробочку.

— Это мина, — сказала мама.

Я испуганно отскочил в сторону.

— Не бойся, она взорвется только через шесть часов. Это мина магнитная. Ты не успеешь ее приложить, как она сама прилипнет к танку.

И мама поднесла мину к железной кровати… Мина так крепко прилипла, что мы ее едва оторвали. Тогда мама вынула из мины какую-то палочку, похожую на карандаш, и сказала:

— Мина заведена. Надо спешить.

Я положил мину в карман штанов, а сверху надел старое пальто. В пальто карманы были дырявые. Через дыру я придерживал рукой мину, чтобы она не болталась.

— Если немцы заметят тебя и будут кричать «стой», ты не останавливайся и домой не иди, а беги через дворы и огороды, — предупредила мама.

Она поцеловала меня, и мы вышли на улицу. Мне казалось,

что все люди смотрят на меня, будто знают, что у меня в кармане мина. Мама шептала:

— Не бойся!

Но по ее лицу видно было, что она тоже волнуется.

Скоро мы дошли до улицы Ленина. Мама остановилась в переулке, а я пошел один. Немцев у танка не было.

Танкисты отдыхали в доме напротив. Посредине улицы стоял высокий рыжий немец-регулировщик. Мимо него проносились машины, мотоциклы, ехали повозки с ранеными: немцы отступали.

Около танка мальчики играли в войну. Одни наступали, а другие отступали. Я присоединился к отступающим и старался отходить к танку. Но я не мог быстро бегать, мне мешала мина. Наш «командир» смеялся надо мной:

— Эк ты, вояка! Даже бегать не умеешь.

Когда наступающие стали бросать в нас бумажными гранатами, мы попрятались кто куда. Я спрятался за танк, а потом подлез под него. Я помнил наказ мамы — прилепить мину с правой стороны. Расстегнув пальто, я достал мину, и едва дотронулся к железу, как мина присосалась. Тогда я выскочил из-под танка и с криком «ура» бросился на наступающих. Они запротестовали:

— Неправильно! Ты должен отступать!

Но я не слушался и бежал на них. А за мной погнались все ребята. Немного пробежав, я завернул в какой-то переулок. Ребята отстали. Домой нельзя было возвращаться, и я ушел на речку, а оттуда — в парк.

«А что если мина не взорвется или немцы найдут ее?» — думалось мне. Я не заметил, как стемнело. Когда пришел домой, было совсем темно. Мама сидела на скамейке и что-то шила.

— Ну, что? — спросил я.

— Танк оттуда уже выехал, — ответила мама.

— Мы даже не будем знать, взорвется ли он!

— Мне сказали, что танк остановился на ночь около бензинной колонки, недалеко от железной дороги, — сказала мама.

Я лег спать, а мать всю ночь сидела на скамейке.

Утром все говорили о том, что ночью партизаны подорвали танк. Только я и мама знали, кто подорвал «Тигра».

Толя Захаренко, 1934 года рождения.

Город Речица.

ДВА РАЗА В КЕНИГСБЕРГЕ

Наша деревня Громы недалеко от Полоцка. До войны папа и мама часто ездили в город и привозили вкусные баранки и конфеты. Мне шел седьмой год. Я остался один у родителей. Старший брат Вася служил в Красной Армии.

Когда началась война, я плохо понимал, что случилось. Всюду слышались разговоры о немцах, о партизанах. Но сам я еще ни разу не видел ни немцев, ни партизан.

Однажды ночью к нам постучались. Я проснулся. Папа подошел к окну, а потом открыл двери. В хату вошло много людей. Все они говорили топотом. Это были партизаны. Мама завесила окна и зажгла лампочку.

Отец стал собираться в дорогу. Мама положила ему чистую рубашку, портянки, хлеб и сало. Когда всё было готово, папа поцеловал бабушку и маму.

— Жди, вернемся с победой, — сказал он. — Расти сына.

Потом подошел ко мне, взял на руки и так крепко прижал к груди, что я вскрикнул. Всё произошло очень быстро, и я только успел спросить:

— Куда идешь, папа?

— Защищать родину от фашистов, сынок, — ответил он.

Когда все ушли, мы с мамой сидели долго, обнявшись, у окна. Уже светало, а мы всё смотрели на ту дорожку, по которой ушли в лес партизаны вместе с папой.

— Мама, что папа будет делать в лесу? — спросил я.

— Помогать нашей армии бить немцев. — ответила мать.

— А когда он вернется?

— Вот побьют наши немцев и все вернутся, сынок, — говорила мама и поцеловала меня.

Но мой папа не вернулся…

Прошло много времени — и вдруг по нашей деревне начали бить снаряды из Полоцка. Налетели самолеты, сбросили бомбы. Люди бросились, кто в лес, кто в поле.

Воют снаряды, горят хаты, народ убегает, а моя мама повалилась в сенях и шевельнуться не может. Я бросился к ней, а она мертвая. Убили ее осколком снаряда. Я припал к своей родной маме и стал горько плакать.

— Надо убегать в лес, в окопы, — сказала бабушка и оттащила меня от матери. Бежим, а кругом такой гром, что мы чуть не оглохли.

Только добежали к окопам, как недалеко разорвался снаряд. Мы упали на землю и поползли. Заползли в окон. Я не знаю,

сколько времени были там. Когда стало тихо, мы вылезли. Над деревней стоял черный дым. Я подумал: может, мама не умерла, а только потеряла сознание, и побежал к дому. Бабушка ушла в лес. В деревне были немцы. Прибежал в хату и увидел, что мама так же, как и раньше, лежит мертвая.

Колхозники начали понемногу выходить из лесу. Пришла и моя бабушка. Мы с ней крепко обнялись и долго плакали. Теперь у меня осталась только она.

Соседи помогли похоронить маму. Я долго плакал у ее могилы и не хотел уходить с кладбища. Бабушка утерла мои слезы и увела меня.

Через несколько дней опять появились немцы. Они погрузили всех на машины и привезли на станцию Громы, Там мы просидели трое суток.

Мы с бабушкой были неразлучны. Я боялся ее потерять и не отходил ни на шаг.

На четвертые сутки нас погрузили в вагоны и повезли на станцию Граево. Там нам сделали медицинский осмотр, повели в баню и в первый раз дали поесть.

Здесь нас немцы опять осмотрели, но дотрагивались до нас не руками, а палочками. Смотрели глаза, рот, подбородок.

Работы нам не давали. Ежедневно часть людей сжигали в печке-«душегубке», которая была за стеной, за железными воротами. Каждый из нас ожидал страшной смерти.

Однажды немец взял у нас четырнадцатилетнего мальчика и повел его к железным воротам, Мальчик бросился на немца и всадил ему нож в грудь. Немец упал. Мальчика сразу же схватили и поволокли.

Потом нас всех выгнали из барака на площадь и поставили вокруг двух столбов, врытых в землю. На столбах была перекладина, а к ней был прикреплен железный крюк.

Привели мальчика и повесили его ногами за этот крюк. Под ним налили горючего. Мальчик кричал, метался и горел… Все люди плакали, стонали, отворачивались, немцы били тех, кто не хотел смотреть.

Всю свою жизнь я буду помнить эту смерть.

Не знаю, по какой причине, но на второй день меня переместили в другой лагерь. Тут было лучше, не надо было каждый день бояться страшной смерти, но меня это мало радовало: я всё время боялся, что бабушку сожгут.

Из этого лагеря брали уже на работу. Начал ходить и я. Выходил в семь часов утра, а приходил в барак в восьмом часу вечера. На обед давали суп из брюквы, а под вечер — сто граммов хлеба с черным кофе.

Я должен был чистить паровозы. Однажды мне захотелось покрутить винтики. Вдруг паровоз зашипел и поехал… Я начал хвататься за разные ручки и колесики, и паровоз остановился. Немцы догнали меня, стали кричать. Я плакал, оправдывался: «Господин, я покрутил не нарочно, а „цуг и фарен“»[7]. Они поверили и ничего мне не сделали, только строго приказали ничего не трогать.

Видно, моя ловкость понравилась машинисту, и он однажды взял меня с собой. Приехали мы в Каунас, потом в Вильнюс, а потом поехали дальше к фронту. Когда остановились в Молодечне, машинист куда-то ушел, а я бежать.

Прибежал в какую-то деревню, черный, грязный, голодный. Попал к одной доброй женщине, которая меня переодела, накормила. Так мне стало хорошо, будто я попал к родной маме. У этой женщины я пробыл два месяца, помогал в хозяйстве.

Наконец-то до нас дошла желанная весть: немцы отступают! С какой радостью я бросился к нашим солдатам, плакал, целовал их и рассказал всё, что пережил.

А потом меня потянуло домой. Кто там теперь? Кто живет в нашей хате? Может, вернулся папа? Может, бабушка там?

То пешком, то на подводе, то на воинской машине добрался до своей деревни. И что же?

Нет ни деревни, ни нашей хаты. И ни одного человека.

Слезы покатились из моих глаз. Мне казалось, что я остался один на всем свете. Что делать? Куда идти?

Я пошел на станцию Громы. Там увидел военный обоз с кухней. Решил попроситься к ним… Ведь я тоже могу что-нибудь делать, чем-нибудь помогу.

Наши меня не прогнали.

И я вместе с войсками пошел в Германию. По пути побывал в Каунасе. Опять пришел в Кенигсберг.

Как радостно было чувствовать, что теперь тут уже мы хозяева. Я побывал и в нашем страшном лагере. Теперь в нем было пусто и тихо. Я обошел все знакомые уголки. Плакать хотелось, когда я думал, что тут сожжена моя милая бабушка. Успели ли убежать те палачи, что сожгли мальчика? И еще очень хотелось увидеть тех немцев, что обследовали нас палочками.

Петрусь Брудневич, 135 года рождения.

В БРЕСТЕ

Мы жили в Бресте в центре города. Когда Брест заняли немцы, они стали безжалостно преследовать советских людей. К нам они приходили почти каждый день. Жить стало невозможно, и мы переехали на окраину города.

В новой квартире под кухней оказался хороший бетонированный погреб. Когда в городе появилось электричество, папа пробил за печкой дырку и под обоями провел в погреб провод. Там установили радиоприемник. Дверь в полу заколотили, а вместо нее в сенях, под бочкой с водой, оставили неприкрепленными две доски. Товарищи отца приходили к нам слушать радио.

Папа открыл ремонтную мастерскую: делал ведра, паял кастрюли, и к нам стали ходить заказчики, но все одни и те же. Мама шила, но принимала заказы только от знакомых. Все они были подпольщики и приходили к нам за радиосводками из Москвы.

Однажды мама сказала, что у ее знакомых надо взять свертки, а ей идти туда нельзя. Тогда я предложила пойти.

— Лера, это очень опасное и серьезное дело. Если ты боишься, детка, то не надо, — сказала мама.

Я ответила, что хочу помочь подпольщикам. С тех пор я ходила по квартирам, разносила и получала свертки.

В апреле 1944 года мама ушла в партизанский отряд с заданием. Соседям мы сказали, что мама пошла в деревню работать.

Вернувшись, мама мне рассказала, что большинство подпольщиков отзывают из города, а мы останемся.

У меня хорошая память, и мне часто поручали следить за движением немецких войск. Я выходила из города, где соединялись шоссейные дороги из Москвы и Ковеля. Спрятавшись в кусты, я записывала, сколько в каждую сторону проходит машин, чем они гружены и какие знаки на машинах. Просидев до вечера, я несла сведения маме. Кроме того, мне было поручено узнать, где стоят зенитки, где находится склад боевых припасов и горючего. Я была очень рада услышать, что на основании моих сведений бомбы советских самолетов попали в немецкий склад.

На улице Маяковского был трехэтажный дом, где жили немецкие связисты, летчики и офицеры. У дверей всегда стоял часовой. Этот дом партизаны решили взорвать.

В доме работала Настя Паршина, которая часто приходила к нам. Мама сначала сняла наружный план дома, потом Настя у нас

в квартире вычертила внутренний план. Планы мама отнесла в отряд; там всё обсудили и начали готовиться к взрыву дома. Доставлять тол поручили мне.

В городе не хватало хлеба, и жители, особенно дети, выменивали его у немцев на яйца. Мне клали в корзину тол, засыпали мякиной, а сверху укладывали яйца. Я одевалась покрасивее, завязывала в волоса бант и шла к дому на улице Маяковского. Сделав перед часовым реверанс, я на польском языке просила пропустить меня к «панам офицерам», чтобы выменять яички на хлеб. При этом я давала часовому 2–3 яйца. Он меня пропускал на кухню. Немец-повар шел за хлебом, а я передавала тол Насте.

Однажды немец не вышел из кухни за хлебом, а сам начал выкладывать из корзины яйца. Он копался в мякине, а я со страхом думала, что немец сейчас доберется до дна… Тогда Настя за его спиной бросила на пол дорогое блюдо. Немец обернулся и начал ругать Настю, а я тем временем вынула из корзины все яйца.

Когда дома я рассказала об этом маме, она побледнела, обняла меня и сказала:

— А если бы тебя задержали и посадили в тюрьму, ты бы сказала, кто ты?

— Никогда!

— А если бы тебя били и мучили?

— Я бы вспомнила о наших погибших комсомольцах. Они мои старшие товарищи, а я пионерка, их смена.

— Доченька моя, а ты бы не обиделась на нас, что мы посылали тебя на это дело?

Я ответила маме:

— Я горжусь вами и тем делом, которому служу, и с радостью умру за него, если будет надо!

Наконец настал день, когда Настя завела мину и ушла в отряд. Через шесть часов в доме на улице Маяковского произошел взрыв.

Вскоре после этого папа отвел меня и брата к партизанам, а сам оставался в городе на подпольной работе до прихода Советской Армии.

Калерия Зажарская, 1930 года рождения.

У ОЗЕРА

Командир партизанского отряда послал меня отнести листовки нашему связному, подпольщику Борису. Борис жил в деревне Бабинковичи, Сенненского района, в пяти километрах от штаба отряда.

Я отнесла листовки, получила у Бориса новые сведения о немцах и возвращалась в отряд. Ночь была тихая, лунная. Идти приходилось кустами и лесом вдоль большого озера. Посредине озера, на островке, стояла деревня Курмели. В ней и размещался штаб партизанского отряда. Я осторожно пробиралась по узкой тропинке. Вдруг впереди в кустах послышался шорох. «Наверно, партизаны идут на задание», — подумала я и, притаившись, стала ждать, что будет дальше. Через некоторое время затрещали сухие сучья. При свете луны я увидела всадника. Он ехал прямо на меня. Залаяла собака. Она, наверно, почуяла чужого человека. Я догадалась, что это немецкий шпик.

Что мне делать? Куда спрятаться?

Я вспомнила, что один бывалый партизан рассказывал, как надо прятаться от собаки-сыщика.

— Если за тобой идет собака, — говорил он нам, — то спрятать следы можно только в воде.

Я быстро подбежала к озеру и прыгнула в воду. Вода была выше пояса. Дно оказалось топким, двигаться было трудно. Чтобы не шуметь, я тихонько поплыла вдоль берега. Добравшись до большого лозового куста, я уцепилась руками за ветки, прижалась к ним плотнее и притаилась.

К берегу подбежала большая собака и остановилась на том месте, где я прыгнула в воду. Она понюхала землю, посмотрела на озеро и залаяла. Я задрожала от страха. Подъехал всадник. Теперь я его ясно видела. Это был немец. Он начал всматриваться в берег. Мне стало еще страшнее, я даже старалась не дышать. Немец постоял несколько минут, потом повернул коня и уехал. Собака неохотно побежала за ним.

Когда всё затихло, я вылезла из воды, прижалась к берегу и даже дыхание затаила. Подождав немного, я всё же решила идти к штабу. Но не успела я сделать и двух шагов, как опять послышался собачий лай. Стало ясно, что немец хитрил: он отъехал и ждал, когда я вылезу из озера. Пришлось опять лезть в холодную воду.

Берег в этом месте обрывистый. Немец, если бы даже и захотел, не мог въехать на коне в воду. Собака залаяла. Я снова прижалась к берегу и старалась не шевелиться.

Я снова прижалась к берегу и старалась не шевелиться.

Мне было очень холодно. Вдруг по ноге что-то поползло, защекотало и начало впиваться в кожу. Стало больно. Я осторожно нагнулась, ощупывая ногу руками. Пальцы коснулись

чего-то мягкого и скользкого. Это были пиявки. Нескольких я оторвала от ноги, но тех, что впились в щиколку, не могла достать: боялась упасть и наделать шуму.

Немец постоял и, не заметив ничего подозрительного, уехал. Выждав с полчаса, я вылезла на берег, сбросила остальных пиявок и осторожно пошла к переправе.

Здесь всегда дежурил перевозчик. Он перевез меня в лодке на островок. Я пришла в отряд вся мокрая. В землянке быстро переоделась и направилась к командиру отряда, дяде Алеше… Увидев меня, он спросил, выполнила ли я задание.

— Выполнила, — ответила я.

— А почему у тебя мокрые волосы?

Я рассказала, что было со мною в дороге…

— Молодчина! Ты хоть и маленькая, но догадливая, — похвалил он.

Зоя Василевская, 1933 года рождения.

Город Минск, 7-й детский дом.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Утром 31 декабря 1943 года меня позвали к командиру отряда. Когда я вошел в штабную землянку, он сидел и рассматривал карту.

— Как себя чувствуешь, Витя, здоров? — приветливо спросил командир.

— Здоров, — ответил я.

Перед этим я ездил за трофеями, захваченными партизанами в одном немецком гарнизоне. Погода была холодная. Я простудился и несколько дней проболел гриппом. Вот почему командир и спросил о здоровье.

— А если здоров, то для тебя есть важное дело. Немцы восстановили картонную фабрику в Раевке. После нового года собираются пустить ее в ход. Но этого не будет. Мы ее взорвем сегодня ночью. Хочешь участвовать в деле?

Меня первый раз собирались послать на боевую операцию, и я с радостью согласился.

— Пойдешь к командиру роты Литвиненко, он тебе объяснит, как и что делать.

— Есть! — сказал я и вышел.

Кроме меня, в операции участвовали командир роты Литвиненко и молодой партизан Левцов.

В тот же день Литвиненко составил план операции.

По этому плану, Литвиненко, Левцов и я должны были вечером пробраться в местечко Раевка, замаскироваться вблизи картонной фабрики и наблюдать за немецкими часовыми. Потом Литвиненко и Левцов должны подползти к складу и поджечь кучу старого картона.

Чтоб привлечь к себе внимание часового, они начинают стрелять из автоматов. В это время я подбегаю к фабрике, обливаю бензином здание и поджигаю…

— Понял, что от тебя требуется? — спросил Литвиненко.

— Понял, — ответил я.

— Тогда иди, готовься…

Я заранее положил в сумку бутылку с бензином. Коробок со спичками запихнул за пазуху, чтоб не отсырели на морозе.

Из лагеря мы вышли еще днем. До местечка надо было идти семнадцать километров. В дороге я всё время думал о том, смогу ли поджечь фабрику. А что если немцы заметят меня раньше, чем я успею добежать до фабрики? От мыслей будто распухла голова и на душу закрадывался страх. Литвиненко заметил это.

— Что задумался, Витя? Не беспокойся, браток. Мы с тобой

такую штуку сделаем, что немцам тошно станет.

От теплых и бодрых слов Литвиненко настроение улучшилось. После того как в бою с карательным отрядом погибли мои отец и мать, Яков Павлович Литвиненко заменил мне родных.

Уже смеркалось, когда мы вышли на опушку леса.

В двухстах метрах от нас начинались первые дома местечка. В окнах домов светились огоньки. Тоскливо лаяли собаки. На улице ясно слышалась немецкая речь.

Постояли, послушали и задворками осторожно начали пробираться в местечко. Немецких постов поблизости не было. Но мы, старались пройти так, чтобы нас никто не заметил. Постройки окончились. За ними начиналась небольшая площадь, в конце которой виднелись темные контуры фабрики. Мы залезли в стог соломы и стали наблюдать.

Чтобы не наделать шуму, мы лежали неподвижно.

Ночь выдалась тихая, звездная, холодная. Солома не защищала нас от мороза. Минуты ожидания тянулись медленно. Ухо ловило самые незначительные звуки. Вот сменяется караул. Немецкий офицер выкрикнул какую-то команду. Один солдат, вероятно нечаянно, стукнул прикладом о землю: до нас долетел лязг железа. Прошуршали по снегу шаги и замерли вдали.

К полуночи в местечке стало совсем тихо. Все офицеры, наверно, собрались где-нибудь в теплой хате встречать новый год. Только караульные беспрерывно топали по двору фабрики.

— Ну, Витя, будь готов! — послышался над самым ухом шепот Якова Павловича. — Когда начнется стрельба, не медли ми секунды.

Согнувшиеся фигуры Литвиненко и Левцова отделились от стога и бесшумно скрылись за углом склада.

Я остался один.

Откуда-то донеслись крики пьяных офицеров. Новый год наступил. На глаза навернулись слезы. Стало так тоскливо и грустно. Невольно вспомнилось, как три года назад мы справляли в школе новогоднюю елку; сколько было радости, сколько веселья! Всю радость отняли проклятые немцы.

Вдруг в той стороне, куда пошли Литвиненко и Левцов, вспыхнуло яркое зарево. Вслед раздался треск автоматов.

Пришла очередь действовать мне.

Я быстро добежал до высокого дощатого забора, оторвал две доски и пролез в дыру. Часовые стреляли в другом конце двора. Я достал бутылку и облил бензином стену фабрики… Потом выхватил спичку и чиркнул о коробок. Я так волновался, что руки мои дрожали. И только тогда, когда белые языки пламени

поползли по смолистым бревнам, я бросился наутек.

Добежав до лесу, остановился. Здание фабрики пылало, как свеча.

Витя Чалов, 1933 года рождения.

Город Минск.

ВЗРЫВ

Наша деревня Ровнополье одним концом подходила к лесу, а другим к железной дороге.

До войны мы, дети, любили играть на линии, но пришли немцы и запретили даже приближаться к железной дороге. Немного позже, когда в районе появились партизаны, немцы построили вдоль линии доты[8] и вышки. Одна такая вышка торчала против самой деревни. На ней день и ночь сидели два немца с пулеметом.

В лес ходить не запрещалось, и мы частенько бегали по ягоды. В лесу я и познакомился с партизанами из отряда «За родину». Командир взвода Осипчик, увидев меня в первый раз, подробно расспросил, кто я такой и откуда. Я рассказал, что сирота, живу у тетки Пелагеи, а теперь пришел за ягодами.

Немцы часто наведывались в деревню. Они отнимали у крестьян одежду, зерно, сало, кур. Потом сожгли вместе с людьми деревни Рыбцы, Лутишицы, Заозерку и убили наших соседей.

Я хотел отомстить фашистам за все их зверства и решил взорвать вышку.

План постепенно созревал в моей голове.

Детей немцы не боялись и подпускали к себе.

Я взял пять штук яиц и пошел к вышке.

— Пан, дай сигарету! — попросил я немца, стоявшего внизу.

— Дай яйка, — ответил он.

Я достал из кармана яйца и протянул солдату. Он обрадовался, что-то залопотал по-своему и дал мне четыре сигареты. Я тут же закурил. Солдат посмотрел на меня, усмехнулся и сказал:

— Гут киндер![9]

На следующий день я снова пришел к ним. Тот, который был помоложе, сидел возле пулемета, а старший возился у печки. Я попросил закурить. Старший достал сигарету и на ломаном русском языке сказал, чтобы я принес ему дров.

Я слез с вышки, насобирал щепок, что валялись вокруг, и принес их.

— Гут, спасибо! — сказал старший.

Через несколько дней я совсем подружился с ними и мог свободно приходить на вышку. После этого я пошел в отряд и рассказал обо всем командиру взвода Осипчику. Он дал мне толу и научил, как им пользоваться. Тол был завернут в тряпку. Я положил сверток в карман.

— Взорвешь вышку, беги к нам, — сказал Осипчик и

объяснил, где партизаны будут меня ждать.

Я шел, и разные мысли теснились в голове. Мне казалось, что немцы догадаются о моем плане, схватят и повесят. «Нет, немцы знают меня и даже не подумают, что я хочу их взорвать!» — успокаивал я сам себя.

У железнодорожной линии я нашел кусок проволоки и сделал из нее крючок. Собрал дров и стал подниматься на вышку. На одном столбе я заметил щель, быстро воткнул в нее крючок. Потом поднялся на вышку и бросил дрова возле печки. Немцы обрадовались дровам и дали мне сигарету. Закурив, я начал спускаться с вышки. От волнения меня лихорадило, но я старался держать себя в руках. Поравнявшись с крючком, я быстро подвесил тол и немецкой сигаретой поджег шнур. Вниз не шел, а бежал. Я боялся, чтобы тол не взорвался раньше, чем я успею спуститься вниз.

Очутившись на земле, я бросился бегом. Бежал и думал: «А что если тол не взорвется?». Но не успел отбежать и двухсот метров, как раздался сильный взрыв. Я оглянулся и увидел, как в столбе черного дыма летели вверх обломки бревен и досок. Мне стало еще страшнее, и я изо всех сил помчался в лес, а из лесу в поселок Боровое, километров за пять от железнодорожной линии, где ожидали партизаны. Увидев меня, запыхавшегося и взволнованного, Осипчик спросил:

— Взорвал вышку?

— Взорвал! — ответил я, едва переводя дух.

— Хорошо. Пойдем к командиру роты.

— Вот тот мальчик, что взорвал вышку, — доложил командиру роты Осипчик.

— Молодчина! — сказал командир. — Теперь ты будешь у нас в отряде, — и приказал зачислить во взвод Осипчика.

За этот поступок меня наградили медалью «Партизану Отечественной войны».

Витя Пискун, 1931 года рождения.

Рудзенский район, деревня Ровнополье.

ПАРТИЗАНСКИЙ КУРЬЕР

Муж моей сестры Петя работал инженером на спичечной фабрике. Когда пришли немцы, он бросил работу, связался с подпольщиками и начал им помогать. До прихода немцев он был инструктором радиокружка, и у нас сохранилось несколько радиоприемников. Петя переправил их в район Гнюта, где организовались первые партизанские отряды. Себе он оставил радиоприемник, который был не больше шкатулки, где хранилась разная мелочь для шитья, и мы прятали его в погреб. Мы часто слушали Москву, хотя это было очень опасно: недалеко от нас жили гестаповцы.

Петя был связан с партизанскими группами в районе Каменки и переправлял туда оружие. Вся связь партизан этого района происходила через Петю.

Мои старшие братья, Стась и Владик, служили шоферами на спичечной фабрике. Было стыдно и обидно, что приходилось работать на немцев.

Стась, наконец, не выдержал и решил убежать к партизанам. Посоветовавшись дома, он попросил директора фабрики Римера разрешить поедать на машине в деревню за продуктами. Ример отпустил его. Стась поехал. Мы знали, что он по дороге взорвет машину и пешком уйдет к партизанам.

А на следующий день мать с плачем ворвалась в кабинет Римера и начала причитывать: сын ее не вернулся, люди говорят, будто его убили партизаны за то, что он служит у немцев. Вскоре выяснилось, что действительно взорвана автомашина, и все решили, что Стася убили партизаны.

Весной 1942 года к нам пришел в кожушке и лаптях мальчик Миша. Он подал маме записку, подписанную Стасем. Сначала мама не хотела принимать записку. Она сказала мальчику, что Стась убит партизанами, и даже заплакала. Но мне Миша понравился, и я сразу поверил, что он не шпион. Когда пришел Петя, тогда и мама поверила.

Стась писал, чтобы мама и я пришли к нему в Белые Лужи и что проведет нас этот мальчик, их связной. Просил принести медикаментов и махорки.

Назавтра мы трое разными дорогами вышли из города и встретились в условленном месте. Наш проводник всё время молча шел впереди. Миша был старше меня года на два, и я смотрел на него с уважением: ведь он выполнял важное поручение.

Связной повел нас в обход Белых Луж, через лес. В одном

месте он остановился и стал прислушиваться. Послышался шорох, и из-за деревьев, вышло пять человек с автоматами. Среди них был Стась. Мама бросилась целовать его и заплакала.

— Не плачь, мамаша, — сказал один партизан, — мы живем хорошо.

Среди партизан был старший, которого называли Селянниковым.

Селянников подошел ко мне и отвел в сторону. Я не ожидал, что так быстро приступлю к делу.

— Ты, наверно, голоден, — сказал он. — Сейчас тебя и мать накормим.

Я молчал. Мне хотелось узнать о работе связного.

— Отдохнешь и пойдешь с матерью в город. Она останется там, а тебе дадим задание.

Я покраснел и сказал:

— Пакет я хорошо спрячу. Мне Петя показал, как делать.

Селянников засмеялся.

— Это хорошо, что Петя показывал, но теперь никакого письма не дадим. Скажешь Пете, чтобы он организовал и направил к нам молодежь. И пускай ваш Владимир приезжает. Хватит ему гулять по Борисову. Запомнишь?

— И запоминать нечего, — обиделся я.

Но Селянников заставил меня повторить приказ слово в слово.

— Может, вы дадите мне какой-нибудь пакетик, — всё же попросил я.

— Когда пойдешь назад, Петя даст тебе письмо.

— А где я вас увижу?

Селянников весело похлопал меня по плечу.

— А ты молодец! Будешь хорошим курьером. Правда?

— Буду.

Мы договорились, что через двое суток в полдень встретимся на этом самом месте, около березового чурбана. Если толстый конец его будет лежать так, как теперь, то можно идти дальше по тропинке, если же будет повернут в обратную сторону, то надо идти к Белым Лужам. Кроме письма, я должен был принести бинты, йод и табак.

Мы без приключений вернулись с мамой домой.

На следующий день я с письмом от Пети снова направился в Белые Лужи. В руках у меня была лубяная корзинка, в ней бинты, йод, табак, а сверху тряпье, печеная картошка, хлеб. Письмо, свернутое в маленький комочек, я прикрепил к ноге.

Подхожу к Белым Лужам — и вижу часового. Чего он тут? Вчера его не было.

— Куда? — спрашивает он.

— В деревню, — говорю я. — Домой.

Часовой меня пропустил. В условленном месте в лесу встретил Селянникова и передал письмо и посылку. Но в отряде мне побывать не пришлось. Селянников дал мне другое поручение, и я сразу же отправился назад.

Вернувшись домой, узнал, что маму арестовали. Петя дома не ночевал. У мамы спрашивали про Стася. Видно, кто-то пронюхал и донес. Но мама твердила одно: сына ее убили партизаны за то, что он служил у немцев. И ее выпустили.

Однако мы чувствовали, что за нашим домом, уже следят.

Когда стало совсем опасно, пришел Миша с письмом от брата. Стась писал, что мы все должны как можно скорее уйти из города.

Легко сказать: всей семьей выехать. А как это сделать, когда за нами всё время следят? Долго советовались, как перехитрить немецких собак. Наконец мама придумала такой план, который похвалил даже Петя.

Мы начали готовить дрова к зиме, заготовляли сено для коровы, откармливали свинью. Соседи смотрят и завидуют: Гинцы при немцах чувствуют себя очень хорошо. Мама начала уборку в квартире, раскрыла все окна, моет стекла, моет горячей водой пол. Отец белит кухонную печь. Владик и Петя поправляют крышу, стучат молотками на всю улицу.

— Что это вы так убираете? — спрашивают соседи.

— На свадьбу едем, а потом молодые приедут к нам. Они будут у нас жить, пока не найдут себе квартиру.

Вся улица знает о том, что Владик женится. Знают и полицейские. Владик на машине приезжает. Возит маму на рынок, катает нас. Совсем счастливая жизнь.

Наконец пришел день отъезда. Мама попросила соседку:

— Посмотри за домом: корову подоишь, свинью покормишь. Приедем с молодыми — ты будешь первой гостьей.

Подъехал Владик на машине. Вся наша семья весело разместилась в ней. У меня в руках гармошка. Мы покатали из города, бросив всё имущество и хозяйство.

Я уже настоящий партизан или, лучше сказать, партизанский связной. Моя кличка — Мальчик.

От наших землянок до Борисова сорок пять километров. И этот путь мне приходилось проходить много раз.

После каждого похода мне давали несколько дней отдыха. Я сбрасывал лапти и рваную куртку и бродил по землянкам. Отряд у нас был большой и готовился к серьезным операциям. Передавать партизанские пакеты стало для меня обычным делом.

Однажды в феврале вызывает меня командир и говорит:

— Вот что, Витя, мы дадим тебе сани, поедешь в город и привезешь оттуда пишущую машинку.

— А может, я ее принесу?

— Не донесешь: она тяжелая.

Мы распороли хомут, напихали туда листовок и опять зашили. Потом запрягли в сани коня, и я поехал. Приехал в город, на улицу Розы Люксембург. Там живет жена партизана Адамовича. Заехал во двор, достал листовки, передал письмо и получил машинку. Зарыл ее в сено и поехал назад. При выезде из города меня остановил немецкий часовой и спросил, куда еду. Я спокойно остановил коня, а внутри у меня всё дрожит.

— Домой еду. В деревню. Мутер кранк[10],в больницу отвез.

Немец поверил и отпустил меня. Когда я привез машинку, то меня все хвалили, даже качали.

Таким же способом я еще доставил шесть винтовок и пятьсот патронов, которые достал для нас связной Алексеев.

Но случались и неприятности. Однажды командир вручил мне письмо и сказал:

— Беречь! Понимаешь? Беречь!

— Понимаю, — ответил я, хоть и не понимал, почему сегодняшнее поручение важнее, чем другие… По-моему, партизанские пакеты все важные.

В этот раз, на всякий случай, меня ознакомили с содержанием пакета: отряд переходил на другую сторону железной дороги. Может, потому я и попался, что чувствовал большую важность дела и держался не так спокойно, как всегда.

У военного городка меня остановил немецкий часовой.

— Пропуск, — сказал он по-русски.

А у меня никакого пропуска нет. Что делать? Надо плакать. Плача, я начал объяснять, что еду к маме в больницу. Показываю свою корзинку. В ней ломоть хлеба, кусочек сала, несколько яичек. Но часовой не хотел даже смотреть и повел меня в дежурную. Там меня обыскали, но ничего не нашли. Если бы меня совсем раздели, то наверное нашли бы письмо и повесили.

Сижу около печки. Немец от меня не отходит. Письмо при мне. А что если опять будут искать? Прикажут раздеться. Тогда и отряд может погибнуть..

В это время подъехала легковая машина. Из нее вышли два унтер-офицера и женщина — переводчица. Унтер-офицеры привели женщину ко мне, а сами вышли. Женщина начала меня допрашивать. Ходит по комнате, курит, подходит к окну, смотрит в него, ждет от меня ответа. Тогда я достал прилипшее к телу письмо и — в рот.

— Ты что делаешь? — заметила она.

— Есть хочу, — ответил я и запихнул в рот кусок хлеба.

Жевать бумагу, хоть и с хлебом, очень невкусно. Еле-еле проглотил.

Ничего не добившись, переводчица вышла, но сразу же пришел один из унтер-офицеров. Некоторое время он молча ходил по комнате, а потом подошел ко мне и ударил кулаком по шее.

— Ну, партизан, скажи, чего пришел?

Я молчал.

Тогда он ударил меня кулаком по лицу. Я упал. Кровь пошла из носа и изо рта. Я попробовал подняться, но он опять сбил с ног. В ушах звенело, в глазах потемнело…

Потом меня повели в полицию. Я еще больше испугался. В полиции служит Мордасов, который знал всю нашу семью… На мое счастье, вместо Мордасова дежурил другой полицейский.

Он спросил:

— Ты за что попался?

— Самогон продавал.

— Ну, самогон — дело небольшое. Бери лопату и иди чистить двор.

Вместе со мной он взял еще двух арестованных. Мы пошли чистить двор. За домом в углу двора я заметил уборную, попросился туда. Караульный меня отпустил. Подойдя к уборной, я повесил на видном месте свою куртку, зашел в уголок и перескочил через забор в огород, а оттуда пробрался к квартире Адамовича. Там мне дали грязную спецовку, я вымазал себе лицо сажей и выбрался из города. Через три часа я снова был в своей партизанской группе.

Виктор Гинц, 1929 года рождения.

Город Ново-Борисов.

ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ

Наш отряд перебрался из амельковских лесов на другую сторону Днепра, ближе к Лоеву. Командир отряда Василий Анатольевич Зарубов знал меня лучше всех: он до войны был директором нашего лоевского детского дома. Однажды Василий Анатольевич позвал меня в свою землянку.

— Вот что, Костя, — сказал он. — Ты должен выполнить важное задание. Завтра пойдешь в Лоев, в бывший детский дом.

Я внимательно слушал Василия Анатольевича. Было лестно, что командир отряда поручает мне важное задание. Кроме того, хотелось посмотреть свой бывший детдом: в нем теперь немецкий штаб.

— Ты лучше всех знаешь входы и выходы в детском доме, а это сейчас как раз и нужно, — говорил мне Василий Анатольевич, покуривая трубку, которую до войны мы подарили директору в день его именин. — Мину с часовым механизмом знаешь?

— Знаю, — ответил я, догадавшись о том, что должен буду делать. — В кружке подрывников изучали…

— Так вот, эту мину надо подсунусь фрицам на обед, когда офицерье выпивает. Сделаешь?

— Сделаю, — сказал я.

Мне тогда казалось, что подсунуть мину будет совсем легко. Василий Анатольевич встал и положил мне на плечо руку, как взрослому.

— Партизан Костя Бодровец, иди к моему помощнику Володе Бондаренко. У него получишь подробные указания, что и как делать!

В Вишневском поселке, у бабушки Насти, которая была связной отряда, я надел лохмотья, старую барашковую шапку, а маленькую мину замотал в портянки и подвязал к ноге. В дороге весь день шел мокрый снег. От долгой ходьбы нога, к которой была подвязана мина, начала затекать.

Я перешел реку и, наконец, увидел Лоев. Парк над рекой был вырублен, торчали одни пни. В отряде Василий Анатольевич и Володька посоветовали мне зайти к Артему, бывшему водовозу нашего детского дома. Он часто расклеивал на лоевских домах листовки, которые мы ему передавали.

Я постучал в низенькое оконце. Открыла дочь Артема Галя. Ей, как и мне, было лет четырнадцать.

— Отца нет дома, — сказала она. — Солдаты погнали его строить мост.

Усталый, я уснул в Артемовом доме.

Еще в землянке Василий Анатольевич предупредил меня, чтобы я не спешил, а хорошо всё высмотрел и уже только тогда приступил к работе.

На другой день я подошел к зданию бывшего детского дома. На крыльце стоял немецкий часовой. Под навесом, где раньше у нас помещалась столярная мастерская, дымила полевая кухня. Я решил прежде всего пробраться к кухне. Мина уже лежала у меня за пазухой.

«А что если завести механизм и как-нибудь бросить мину в кастрюлю с кофе?» — подумал я.

Я смело направился к навесу.

Немец, который стоял на крыльце, грозно потряс автоматом, висевшим на шее. «Не пустит», — подумал я, но показывал часовому, что голоден. Толстый повар суетился около кухни и косо поглядывал на меня. Видя, что я всё же целюсь пройти к кухне, часовой зло заревел и схватился за автомат. Я бросился убегать.

Ночевал я опять у Гали. Она боялась оставаться одна дома. И только на второй день, когда я подошел к детскому дому, повар вдруг позвал меня на кухню.

Сначала я испугался. Мне казалось, что немец видит, как я держу за пазухой маленькую; черную штучку.

Повар показал мне на топор и дрова. Я понял, что он хочет, чтобы я их наколол. Я оглянулся на часового. Тот кивнул головой. Повар взял одну кастрюлю с кофе и понес в дом.

Рядом стояла еще такая же кастрюля. Я волновался и не попадал топором по полену. Когда часовой отвернулся, я быстро вынул мину и завел механизм. Руки дрожали, мне казалось, что мина долго не заводится. Но она уже тихонько тикала, как карманные часы. Механизм завел на десять минут.

Через десять минут мина должна взорваться. Напряженно озираясь по сторонам, я опустил ее в кофе.

Напряженно озираясь по сторонам, я опустил мину в кофе.

Мина тихо звякнула о дно.

Я схватил топор и с силой начал колоть дрова. В это время подошел повар и закивал головой, показывая на живот (мол, хорошо накормлю!). Потом взял кастрюлю и понес в штаб.

Теперь надо было убегать. Но как бежать, если часовой не

выпустит из ворот, а заставит опять рубить дрова?

«Через десять минут — конец», — думал я, представляя, что там, в комнате, повар уже выловил черпаком мину и сейчас выбежит во двор.

Вдруг часовой вытянулся в струнку. К штабу подкатила маленькая зеленая машина. Из машины вышел сухонький старичок с крестом на груди.

В ту же минуту из дома выбежал толстый повар и замахал мне, чтобы я убегал.

Не помня себя от радости и волнения, я пробежал сквозь разрушенные ворота и побежал улицей. Потом завернул налево и через развалины кирпичного дома бросился к реке.

Сзади загремел взрыв, застрочил пулемет. Но я уже был далеко. Остановился передохнуть в кустарнике, под крутым берегом Днепра.

«Это Василий Анатольевич послал вам кусок детдомовского сахара! От него, должно быть, у вас зубы повыскакивали», — подумал я и засмеялся.

Потом мы узнали, что миной убило четырех офицеров и сухонького полковника. Василий Анатольевич говорил, что особенно хорошо я уладил с полковником, по приказу которого была сожжена не одна деревня и расстреляны сотни человек.

Меня наградили медалью «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны 1-й степени».

Теперь я учусь в Лоевской средней школе, а Василий Анатольевич работает директором детского дома в Васильевском районе. Недавно он был в Лоеве, и мы осматривали то место, где произошел взрыв. Комнату отремонтировали, и в ней помещается канцелярия нашей школы. На месте навеса мы построили лестницу и хороший турник для физкультурных упражнений. А физруком у нас Володька Бондаренко — бывший помощник Василия Анатольевича.

Костя Бодровец, 1931 года рождения.

ВОСЕМЬ СУТОК

Командир двенадцатой партизанской бригады имени Сталина Тихомиров приказал отправить за линию фронта пять тяжело раненных бойцов и шестерых маленьких детей: меня, Тоню Иванову, Светлану Врублевскую, Соню Сухман, Эдика Глушко, который зимою отморозил ноги, и сына машинистки Гали — Леню.

Нас посадили на подводы, дали санитарку — тетю Веру, двух конных разведчиков и шесть бойцов. С Червеньского района нам надо было перебраться в Кричевский, в усакинские леса. Здесь находился партизанский аэродром. Мы знали, что скоро будем на «Большой земле», и ехали с охотой. Плакала только Светлана, не хотела оставлять маму.

— С кем я там буду? — хныкала она.

— Не плачь, деточка, ты же едешь к папе, за фронт, — успокаивала ее мать.

Мы попрощались с родными и тронулись в дорогу.

Вечером третьего дня мы были в усакинских лесах, на аэродроме.

В лесной чаще стояли три шалаша, обнесенные еловыми лапками. Рядом наши партизаны оборудовали еще два. В одном поместили раненых, во втором — нас.

Недалеко от аэродрома располагался партизанский отряд.

Старший группы Хора пошел в штаб, доложил о нашем приезде. Когда он вернулся, мы обступили его и спросили, будет ли сегодня самолет.

— Ложитесь спать, самолета не будет, — ответил он. — Ожидается завтра.

Мы загрустили.

Вдруг ночью зажглись костры. Мы побежали на аэродром. В шалаше остался один только Эдик. Он даже заплакал от обиды, что не может бегать. В воздухе прогудели два самолета, сделали несколько кругов и сбросили красную ракету. С земли пустили белую. Самолеты сбросили груз на парашютах и улетели.

Мы вернулись в шалаш. Долго шептались между собой, жалели, что самолеты не приземлились.

Назавтра вечером из штаба приехал связной и велел отвезти раненых и детей на аэродром. Как только мы об этом услышали, то от радости даже захлопали в ладоши. Через час, а может и больше, вверху будто шмель загудел: «Гу-гу-гу…» Потом сильней и сильней. На земле зажгли четыре костра, а потом еще шесть. На поляне стало светло, как днем. Самолет начал снижаться.

Сбросил красную ракету. С земли пустили красную. А потом он вынырнул из темноты, с ревом побежал по земле и остановился. Мы к нему, а пропеллер крутится и гонит ветер такой сильный, что мы не удержались на ногах и упали. Светлана даже заплакала.

Открылись двери, и по лестнице из самолета слезли три летчика в кожаных куртках и шапках. Партизаны начали разгружать самолет. А мы к летчикам.

— Дядя, возьмете нас? — спрашиваем.

— Всех заберу, всех, — ответил один летчик и, достав из сумки шоколад, начал угощать нас. А другой дал булок.

Разгрузили самолет, положили раненых. Дошла очередь до нас. Мы попрощались с бойцами и полезли в самолет. А в нем с обеих сторон кресла. Такие смешные. Откинешь его, сядешь и сидишь. А как встанешь, оно — хлоп! — и поднимется. В стенах маленькие оконца, черные, и ничего не видно.

Сидим, а самолет как заревет — чуть не оглушил. И покатился, а потом остановился. Его повернули. Он прокатился и опять стал. Как мы потом узнали, он не мог подняться, потому что положили много груза. Тогда ходячих выгрузили. Нам тоже пришлось слезть, хоть и не хотелось.

Когда хотели высадить Эдика, он заплакал и сказал:

— Не хочу!

Так он пролежал в самолете целый день.

Когда стемнело, самолет взял тяжелораненых, почту и Эдика, разбежался и полетел. А мы остались. Вернулись в шалаш скучные и легли спать, но сон не шел.

В следующую ночь должны были прилететь еще два самолета и забрать остальных, но это не удалось сделать.

Утром над лесом показались немецкие самолеты и начали бросать бомбы. От взрывов дрожала земля. Потом послышались выстрелы из пулеметов и винтовок.

Приехал из штаба связной и сказал, чтобы всех грузили на подводы и везли в отряд. Немцы начали окружать лес.

Весь день мы были в пути. Стрельба усилилась. Теперь уже гремело вокруг.

Вечером нам приказали слезть о подвод и идти пешком. Мы быстро устали и не могли идти. Нас и нескольких раненых бойцов несли на руках.

На рассвете вышли на полянку. Вдруг налетели четыре немецких самолета и стали нас бомбить. Все попрятались. Мы плакали. Когда самолеты улетели, мы поднялись. Идти было тяжело. Взрослые брали нас по-двое на руки и тащили.

Недалеко от нас немцы жгли лагерь. В нем слышались

выстрелы, крики солдат, лай собак. С треском горел лес. Тут мы просидели до вечера. Когда стемнело, командир сказал:

— Идти как можно тише. Идем на прорыв.

Впереди пошли автоматчики, за ними партизаны и мы. Слева от нас горел лес. Треск горящих деревьев заглушал наши шаги. Послышались крики «ура». Все побежали вперед. И мы за ними. Я держалась за руку тети Веры. Жора вел Тоню, дядя Вася — Соню, Леню — молодой партизан Миша, а Светлану нес на руках дядя Витя.

А стрельба становилась всё сильнее и сильнее. Леня крикнул:

— Ма-ма-а!.. — и упал. Миша быстро поднял его и сказал:

— Убили, — опустил на землю и побежал.

Все бежали вперед, стреляли и кричали «ура».

И тетя Вера тоже стреляла, а потом и она упала. Я крикнула:

— Тетю Веру убили!

К ней подскочил какой-то партизан. А я с детьми побежала дальше. Потом стало так страшно, что я упала на землю. А когда поднялась, партизан уже поблизости не было. Они стреляли и кричали где-то впереди. Я пошла одна и вскоре услышала плач. По голосу узнала Тоню и Светлану. Сони не было. Куда она пропала, я не знаю.

Увидев девочек, я обрадовалась. Втроем мы просидели всю ночь, а утром пошли в глубь леса. Мне тогда было девять лет, Тоне семь, а Светлане только пять.

Чем дальше мы шли в лес, тем он становился гуще. Высокие толстые сосны и елки обступили нас. Мы продирались среди них, как муравьи. Страшно было одним в этом непроходимом лесу. Но мы шли и шли, стараясь найти дорогу.

Опять настала ночь, а мы всё шли. Вдруг над лесом вспыхнула ракета. Как большой фонарь, она осветила всё вокруг. Мы внимательно присматривались, но дороги не было. Вскоре набрели на какую-то узкую колею. Пошли по ней. Когда рассвело, мы заметили, что всю ночь кружили на одном месте. Свернули с этой дорожки влево и пошли дальше.

Вскоре лес изменился. Вместо высоких сосен стояли тонкие, обгорелые елочки и березки. Земля была голая, черная.

Прошел день, наступила ночь. Мы зашли в топкое болото, выбраться из которого в темноте не могли. Начали искать место, где бы присесть. Подошли к сломанному деревцу. Это была тонкая березка. Узнали ее по белой коре. Мы сели на березку и прижались друг к другу. Светлану, как меньшую, посадили посредине. Нам было тепло, но мы дрожали от страха. Не спали всю ночь. Прислушивались к ночным звукам.

На рассвете решили перейти в лучшее место, чтобы нас не

заметили немцы. Очень хотелось есть, но у нас ничего не было: свои кусочки хлеба съели еще вчера.

Мы ели заячью капусту. На ней три листика, ровный стебелек, на вкус кислая. Целый день мы блуждали по лесу, собирали и ели эту капусту. В низких местах было много черничника. Он как раз цвел. Мы собирали цветочки и ели их.

За несколько дней далеко углубились в лес. На своем пути не встретили ни одного живого человека. Нас мучила жажда, а вокруг было только грязное болото. Иногда в ямах и выбоинах блестела мутная желтоватая вода, в которой плавали головастики и какие-то маленькие козявки. И мы пили эту грязную воду.

Тяжелее всего нам было ночью. Особенно нас пугали дикие крики филинов и сов. Нам казалось, что где-то поблизости сидит немец и подает сигналы. Мы подолгу вглядывались в черную тьму, но ничего заметить не могли.

Когда становилось совсем темно, мы выбирали место посуше, садились на кочку, покрытую густым мягким мхом, и по очереди отдыхали. Ложиться нельзя было: из-за каждого дерева и куста на нас смотрели разные страхи, и мы с Тоней не могли даже закрыть глаза. Спала только маленькая Светлана, положив свою головку на наши колени.

— Тоня и Светлана, если нас найдут немцы, мы должны говорить все одинаково, — сказала я.

— Что нам говорить? — спросила Тоня.

— Мы убежали от бомбежки в лес. Родителей потеряли, когда заснули в лесу. Партизан мы не видели и не знаем, какие они. Не говорите, кто мы и кто наши родители, — учила я.

Девочки выслушали и согласились. Тогда я сказала:

— Ну, Тоня, повтори, как будешь отвечать.

Она повторила. За нею то же самое сказала Светлана. Сначала они путались, забывали, говорили другие слова. Я поправляла. Наконец они заучили эти слова наизусть.

На четвертый день у Светланы начали опухать ножки. Она устала и не могла идти.

— Не могу идти, болят ножки, — жаловалась она и садилась на землю.

Мы уговаривали ее, просили:

— Светланочка, встань, надо идти.

Она поднималась и с большим трудом шла.

Она чуть переставляла ноги. Часто плакала и не хотела вставать. Мне приходилось брать ее на руки и нести.

Чтобы под ногами у нас не трещало и нас никто не услышал, старались обходить кочки, сломанные сучья, сухие листья.

На восьмые сутки, в полдень, послышались выстрелы и

крики. Мы залезли под лапчатые ветки и сидели тихо, не дышали.

Вот показались первые шеренги немцев. Они шли цепочкой. Вскоре они подошли к нам вплотную. Мы думали, что всё обойдется хорошо. Но получилось не так. Трое фашистов заглянули под елочку. Увидев нас, они во всё горло закричали:

— Сюда! Тут партизаны!

С выставленными вперед автоматами сбежались немцы и вытащили нас из-под елки.

Они смотрели на нас и что-то лопотали по-своему. Мы их не понимали. Полицейский начал переводить.

Высокий лысый немец с круглым лицом и большими, как у совы, глазами злобно допытывался, чьи мы дети, как попали сюда, где партизаны.

Мы отвечали так, как договорились. Светлана и та говорила как по-писаному. Немец, наверно, догадался, что мы врем. Он разозлился и ударил сначала меня, а потом Тоню и Светлану какой-то гибкой железной пружиной. Но никто из нас не заплакал и больше ничего не сказал.

Не добившись толку, немцы погнали нас перед собой.

Голодные, измученные, мы чуть двигались. Солдаты всё время подгоняли. Только и слышалось: «Русь, шнель!» Шли довольно долго. Наконец пригнали нас в лагерь. Посредине лагеря ярко пылал костер. Около него возились солдаты: рубили дрова, варили в котлах еду. Несколько немцев, раздевшись до пояса, загорали на солнце.

Нас опять допросили: кто мы, чьи мы, каких партизан знаем, знаем ли Балана, Тихомирова, Короля.

Про этих командиров мы знали, но ничего не сказали. Тогда немцы попытались задобрить нас: давали бутерброды, шоколад, конфеты. Мы были очень голодны, а потому брали и с жадностью съедали всё это, но ничего не говорили.

Когда и это не помогло, они начали запугивать:

— Мы вас расстреляем!

Мы молчали.

Вечером немцы начали собираться. Посадили нас на подводу и повезли. Приехали в какую-то деревню и поместили в хате одного крестьянина. Потом стали вызывать нас в штаб. Первой повели меня.

В штабе было четверо. За столом сидел человек в пенснэ и курил папиросу. Перед ним лежали бумаги, стояла пепельница. Остальные трое примостились у окна, на скамейке. Тот, что в пенснэ, назвал себя полковником. Он приветливо сказал:

— Ты, девочка, говори правду. Я тоже за партизан и детей партизан люблю. Скажи мне, кто вы? Чьи вы?

Рассказала так, как об этом условились с Тоней и Светланой.

— А где партизаны? — спросил он.

— Я не знаю, что такое партизаны, — ответила я.

— Как вы попали в лес?

Я сказала, что убежали с мамой в лес, когда бомбили деревню. А он говорит:

— Мама с наганчиком? Да, с наганчиком?

— Нет, без наганчика, — ответила я.

Он кивнул головой.

Я говорю:

— Я заснула, а мама меня в переполохе бросила.

— Вывести и позвать вторую, самую маленькую, — приказал он.

Светлану повели. Что теперь будет? Я сидела и плакала, боялась, чтобы она не наговорила чего-нибудь. Потом она вернулась, и взяли Тоню. За эту я волновалась меньше. В хате, кроме троих маленьких детей, никого не было. Я подошла к Светлане, обняла ее и тихонько спрашиваю, что она говорила в штабе.

— То, что ты учила в лесу, — ответила она.

— И больше ничего не сказала?

— Нет, я помню, что надо говорить.

Пришла Тоня. Я расспросила у нее. И она говорила то самое, что раньше.

Прошла ночь, настал день. Вдруг началась тревога. Немцы засуетились и куда-то побежали.

Я глянула в окно. Никого не видно. Открыла двери и заглянула во двор — и там пусто.

— Пошли, — шепнула я девочкам.

Вышли из хаты во двор, а оттуда на улицу. За деревней совсем близко начинался лес.

Забрались в чащу и просидели там день и ночь. Только утром осмелились выйти на опушку. Было тихо, и мы по широкой дороге пустились вперед. С передышками пробежали километров шесть до деревни. Немцев в ней не оказалось. Пока мы лазили по лесам и болотам, одежда у нас порвалась, ботинки развалились. Ноги у нас были натертые, опухшие и очень болели.

Мы вошли в первую хату и попросили есть. В этой хате жила очень добрая бабушка.

— Кто вы, детки? — спросила она у нас.

— Мы убежали из деревни, там немцы…

— А где ваши мамы?

— Не знаем…

Кто мы и откуда, не признались даже этой доброй бабушке.

Бабушка накормила нас картошкой с квасом, дала помыть ноги. Потом принесла охапку сена, разостлала на полу и положила спать.

Мы очень утомились и на мягком сене быстро заснули.

Назавтра она опять накормила нас. Мы спросили, где найти деревню с партизанами.

— Идите, детки, прямо, там спросите, — и она показала, в какую сторону идти. Мы поблагодарили добрую бабушку, попрощались и пошли дальше.

Так мы прошли двенадцать сел, пока не попали в деревню Барсучина. Остановились в хате крестьянина Кардимона. Тут мы уже не боялись немцев, — их близко не было. Рассказали крестьянину, кто мы такие.

Через два дня приехали два партизана — Жора и дядя Витя. Мы обрадовались, увидев своих бойцов. Расспросили, где теперь наш отряд.

— Ушел и уже далеко, — сказал дядя Виктор. — Если бы вы пришли дня на два раньше, мы бы отвезли вас туда.

Я спросила, где моя мама и сестра Аня. Живы ли они?

— Живы, — ответил он. — В отряде.

Дядя Виктор и Жора отвезли нас в партизанскую деревню Мирославка. Там нас разместили по разным квартирам.

Я попала в семью Павла Григорьевича Запруцкого. Я быстро привыкла к ним, они — ко мне.

Хорошо познакомившись с хозяйкой, тетей Анютой, рассказала ей, что я еврейка, что моя мама и старшая сестра в партизанах, а папа в Красной Армии. Но попросила, чтобы она об этом никому не говорила. И она не сказала даже своему мужу.

У Павла Григорьевича было четверо детей, всё их хозяйство разграбили немцы. Хозяева питались одной картошкой. Но это были очень добрые люди. Они относились ко мне как к родной.

Я прожила у них год и два месяца. За это время на их деревню часто налетали немцы. Хозяева отвозили меня на какой-нибудь хутор или в лес.

Однажды я сказала, что хочу научиться прясть, и дядя Павел сделал мне маленькую прялку.

В июне 1944 года пришли наши. Из бригады прислали партизана, который забрал меня и отвел в отряд. Тут я встретилась с мамой.

После расформирования бригады я с мамой приехала в Минск.

Вскоре вернулась и сестра.

Где теперь Тоня и Светлана, не знаю.

Инна Красноперко, 1934 года рождения.

Город Минск, Торговая ул., 26.

ПИОНЕРСКОЕ ЗНАМЯ

Мы жили в Добруже, на окраине города.

Когда немцы заняли Добруж, к нам однажды пришла соседка и сказала маме:

— Ты слышала? Немцы разграбили пионерский клуб.

— Скоро они и до нас доберутся, — ответила мама.

До войны я часто ходила в городской пионерский клуб. Как красиво было в нем! На стенах висели картины и плакаты. В отдельной комнате помещались пионерские рисунки, вещи, вышитые пионерским кружком рукоделия. На сцене ставились спектакли, выступала наша самодеятельность. Мне хотелось посмотреть, как выглядит теперь клуб. Одевшись и не сказав ни слова маме, я вышла из дому.

В клубе увидела своих подруг: Аню Скороходову и Соню Слетову. Они тоже пришли посмотреть, что произошло с клубом. Мы разошлись по комнатам. Немцев нигде не было.

В одной комнате я увидела поломанные столы, разбросанные книги, портреты. Вдруг в углу заметила красный сверток. Подошла к нему, подняла и развернула… Это было наше пионерское знамя, которое висело на сцене клуба. На шелковом полотнище золотыми буквами было написано: «В борьбе за дело Ленина-Сталина будь готов!» Я прочитала надпись, и сердце мое забилось. Я не хотела, чтобы немцы нашли и издевались над знаменем. Дрожащими руками я быстро свернула его, засунула под жакетку и крепко прижала к груди, чтобы не торчал сверток.

Пришла домой. Папа и мама сидели на крыльце.

— Где ты была? — спросила у меня мама.

— В пионерском клубе.

— Зачем? — удивилась она. — Что тебе там надо?

— Так, — ответила я и пошла в дом. Не могла же я во дворе говорить про знамя. Отец и мать вошли за мной в комнату. Я расстегнула жакетку, вынула из-под полы знамя и сказала:

— Вот что я принесла!

Мать развернула сверток и вскрикнула:

— Зачем ты его принесла? Что мы с ним будем делать?

— Надо спрятать…

— А ты знаешь, что будет, если знамя найдут немцы? Нас всех повесят…

— Если хорошо спрятать, то не найдут, — отозвался отец.

Я попросила маму во что-нибудь завернуть знамя. Она дала старый платок. Я начала заворачивать знамя. Отец не выдержал и сказал:

— Вот какая пора наступила… Свое надо прятать…

— Да и у меня в душе всё кипит, — призналась мама. — Но что сделаешь?.. Спрячем. Когда-нибудь поставим его на место.

Я завернула знамя в платок и спрятала в шкафик, который стоял в углу, за печкой.

Прошел день. Мне не терпелось. Из головы не выходило знамя. Подкараулив, когда дома никого не было, достала сверток, посмотрела и опять положила на старое место.

С неделю в городе было тихо, и знамя лежало в шкафчике. Потом начались обыски. Я испугалась и спрятала его в старый валенок, а валенок поставили на печку.

Через четыре дня не вытерпела и опять перепрятала. На этот раз завернула знамя в тряпку и положила в печку, в золу, а маму предупредила:

— Печку не топи, там знамя.

Наступила осень. Начались холода. Надо было топить печку. Я спросила у мамы, куда девать знамя. Мама подумала и сказала:

— Надо закопать в землю. И надежней и спокойнее.

Папа тоже согласился, что так будет лучше.

Было холодное, хмурое утро. Я взяла лопату и пошла в огород. В борозде вырыла ямку и положила в нее знамя. Чтобы оно не испортилось от сырости, обернула его в толь. Ямку засыпала так, что даже близко нельзя было узнать это место.

Папа достал где-то коровью шкуру и хотел выделать ее. Но он плохо просолил, и в шкуре завелись черви. Тогда папа закопал ее под забором, в огороде. Соседка Шура Исарова, жена полицая, видела это. Она побежала в комендатуру и заявила, что Галафеевы спрятали советское добро. Назавтра явилось шесть немцев с автоматами. Они допытывались у папы, где и что он спрятал. Папа подумал, что спрашивают про знамя, и сказал, что ничего не прятал. Ему не поверили и начали делать обыск. Перерыли всё в доме, но ничего не нашли. Вышли во двор и стали присматриваться, нет ли где свежевскопанной земли. Я очень боялась, чтобы они не пошли на огород. Папа понял, какая опасность угрожает нам всем, если они найдут знамя. Тогда он вспомнил про шкуру и показал, где она закопана. Шкуру откопали… Немцы посмотрели и ушли.

Вскоре настали дожди. Я волновалась, чтобы знамя не погибло. Вечером, когда стемнело, я откопала знамя и принесла в дом. Оно было сухое. У меня отлегло от сердца.

Про то, что я прячу пионерское знамя, кроме нашей семьи, никто не знал. Я даже не сказала своей тете и подругам. Правда, иногда мне хотелось рассказать девочкам про свой секрет. Но как подумаю, что они могут похвалиться кому-нибудь или

проговориться, у меня сразу пропадало желание вспоминать про это.

Я ждала того дня, когда можно будет достать знамя и понести его по улице так, как это было до войны.

Настало лето 1944 года. Люди всё чаще и чаще говорили, что наша армия наступает и скоро займет Добруж. Через некоторое время стала слышна артиллерийская канонада. Мы бросились в лес. И вот, наконец, по лесу разнеслась радостная весть: «Наши пришли!» Мы вернулись в город. Всюду на улицах были советские бойцы. Я подбежала к ним и спросила, скоро ли кончится война.

— Для тебя война уже кончилась, — ответили они и засмеялись.

Тут я вспомнила про знамя. Очень захотелось показать его всем. Я помчалась домой и сказала об этом папе.

— Подожди немного. Я сделаю древко, — ответил он.

Папа сделал древко, покрасил его красной краской и прикрепил к нему знамя. Я взяла знамя и вместе с папой пошла в райком партии.

«Вот и дождались, когда тебя не надо прятать!» — подумала я.

Люди смотрели и удивлялись, откуда у меня знамя.

В райкоме вошли к секретарю Николаю Степановичу Клюеву. Я первой, папа за мной.

— Что скажете? — спросил товарищ Клюев.

— Принесла пионерское знамя, которое я прятала и берегла всю войну, — ответила я.

— Пионерское знамя, которое я прятала и берегла всю войну, — ответила я.

Секретарь взял знамя и ласково сказал:
— Спасибо, Маня! Ты настоящая пионерка.
Маня Галафеева, 1932 года рождения.
Город Добруж.

МОЯ ПОМОЩЬ

В одну из весенних ночей в окно кто-то тихо постучал.

Мать подошла к окну и вполголоса спросила:

— Кто там?

Со двора донесся приглушенный голос:

— Мама, открой…

Мама вышла в сени. За нею поспешил и я. Звякнул крюк, раскрылись двери и через порог переступил мой брат, партизан. Мама бросилась ему на шею. Брат поцеловал ее, меня и говорит:

— Войдем в хату.

В хате он поцеловал меньшего брата, сестричек. Потом присел около стола, начал расспрашивать про здоровье, жизнь, хозяйство. Мама рассказала.

— А как ты поживаешь? — спросила она.

— Как видишь, живой, здоровый, — весело сказал брат, гладя меня по голове. Потом сказал мне:

— Сходи утром к коменданту, как будто тебе надо купить сигарет. Постарайся узнать о немцах, которые приехали вчера: сколько их, на чем приехали, во что одеты, какие у них знаки различия, какие знаки на машинах. Обо всем этом расскажешь. После обеда придешь на «пожарище» (название участка леса) у «белой дороги». Тебя я встречу там… Запомни: как подойдешь к лесу, запевай:

Выходила на берег Катюша…

Это на случай, если встречать буду не я, а кто-нибудь из наших партизан. Он тебя спросит: «Груши есть?». Ты ответишь: «Есть». Такому человеку можешь рассказать всё. Понял?

— Понял, — ответил я.

— Вот так будешь помогать нам.

— А винтовку мне дадите?

— Дадим, как возьмем в отряд. Если будешь доставлять точные известия, то возьмем скоро.

Утром я оделся, взял пять яичек, вышел из хаты. Иду и думаю, как про всё узнать. Меня охватывает страх, но я стараюсь отогнать его. За спиной слышу чьи-то шаги. Оглядываюсь. Меня догоняет знакомый мальчик Володя.

— Шура, ты идешь к коменданту на работу? — спрашивает он.

— Нет. Купить сигарет…

Приближаемся к немецкому посту. На меня смотрит немец и, кажется, вот-вот скажет: «Куда идешь? Партизаны послали?»

Но он кричит другое:

— Сигареты! Сахарин! Яйка никс?[11]

— Никс, — отвечаю я.

— Шура, ты же идешь покупать сигареты, — шепчет Володя.

— Этот обманет, — отвечаю я. — Выменяю в комендатуре.

Ступаю смелее и сам себе мысленно говорю:

«Разве они могут подумать, что иду в разведку? Таких, как я, тут много».

Те, что пришли раньше нас, пилят и колют дрова. Больше никого вокруг не видно. И нет никаких машин. Комендатура, большой двухэтажный дом. Поднимаюсь по ступенькам наверх. Навстречу мне выскакивает немец, хватает меня за плечо и кричит:

— Гольц! Гольц![12]

Вместе с немцем возвращаюсь к дровам. Ну, думаю, теперь-то я попаду в комнаты! Набрали дров и понесли. Но не в комнаты, а на кухню. На дворе тепло и в комнатах не топят. Не везет. Иду назад, задерживаюсь и захожу в первые двери. Попадаю в офицерскую комнату. Офицеров было двое. Достаю три яйца и прошу сигарет. Один берет яйца и дает мне сигарету, второй показывает, чтобы я чистил сапоги. Я рад тому, что могу задержаться.

Первый встал, оделся, нацепил на шею какую-то бляшку с орлом. Раньше я таких не видел. Наверно, это и есть те, которые вчера приехали.

Почистив сапоги, я вышел и отправился в конюшню. Там встретил ребят, которые ходили сюда каждый день. Начал разговаривать с Володей. От него я узнал, что в комендатуру приехала полевая жандармерия, а часть, которая стояла здесь, уезжает.

Таким образом, через некоторое время я уже знал, что в гарнизоне есть два поста и одна наблюдательная вышка, что немцев сто человек, два станковых пулемета и десять ручных, что у жандармерии автоматы, их пятнадцать человек, — все эти сведения я передал партизанам.

Однажды я с меньшим братом и сестренками завтракал, а мама готовила корове пойло. Окончив работу, она помыла руки и говорит:

— Помоги снести корове.

Я оделся, и мы вынесли ушат во двор. Прошли шагов пять и видим — идут четыре жандарма с автоматами наперевес.

— Шурик, жандармы… За нами… Вот когда нам конец, —

шепнула мама.

Офицер в это время грозно крикнул:

— Хальт!

Убегать некуда. Мы остановились. Немцы подошли. Офицер вытаращил на маму глаза и крикнул:

— Ты Фетинья Гуло?

Перепуганная мама ответила:

— Нет, пан…

Я подскочил к офицеру, схватил его за руку и говорю:

— Господин, Фетинья Гуло пошла доить корову. Пойдемте, я покажу.

Немцы пошли следом за мной. На ходу я услышал тихий голос мамы:

— Веди к Алексею.

Захожу во двор и направляюсь к хлеву. Немцы идут за мной. У дверей повернулся к ним и показываю:

— Вот тут корова Фетиньи Гуло.

Солдаты бросились в хлев. Я собрался удрать, но голос немца остановил меня. В хлеву никого не было. Немцы выскочили злые и, толкая меня вперед, выбежали на улицу. На том месте, откуда мы пошли в хлев, стоял только ушат. То, что мамы не было видно, успокоило меня: значит, она спряталась.

Иду и думаю, как убежать и мне, но по пятам за мной идут немцы. Офицер толкнул меня во двор Анны Камейки. Входим в дом. Нас встретила хозяйка.

— Гуло нет? — спросил у нее офицер.

Я смотрю на нее и подмигиваю, чтобы она молчала. Она, наверно, не поняла меня и говорит:

— Ее у меня нет, пан… А вот ее сын… Он же должен знать, где его мать.

Когда я услышал эти слова, у меня потемнело в глазах и навернулись слезы. Офицер, оскалив зубы, быстро повернулся, ударил меня автоматом по лицу и вытолкнул на улицу. Пока шли назад, меня всё время подталкивали в спину автоматом. Дома у нас, кроме трехлетней сестренки, никого не оказалось.

Перевернув всё в хате и ничего не найдя, немцы повели меня к Николаю Людчику. У него в хате сидело четыре женщины. Офицер подвел меня к первой женщине и, показав на нее пальцем, спросил:

— Матка?

Не успел я ответить «нет», как он бац кулаком по лицу.

— А эта?

— Нет.

И опять — бац… Изо рта у меня потекла кровь.

Привели в комендатуру. «Клейн партизан, клейн партизан», — услышал я голос немцев.

Меня отвели в караульное помещение, а оттуда в холодную. После долгого раздумья я решил: погибать лучше мне, чем маме. У мамы трое детей меньше меня. Если убьют ее, то пропадут малыши. А так она их спасет. А может, меня еще и не убьют…

Через несколько минут меня вызвали на допрос. Началось самое тяжелое. Как только я вошел в комнату, офицер, который вел допрос, крикнул:

— А, клейн бандит[13]. Почему не сказал, что был с маткой?

— Я был с Сашей Гарбанцевич, — ответил я.

Удар по голове.

— А где старший брат?

— Поехал в Минск на работу.

— А кто убил помощника коменданта и двух немцев летом 1943 года?

Я знал, кто эта сделал, но молчал…

Ничего не добившись, фашисты снова бросили меня в камеру. Всю ночь пролежал на полу, как меток. А наутро опять на допрос. Вхожу в комнату и ни на кого не смотрю, глаза не поднимаю. Меня подталкивают к самому столу. Комендант спрашивает про семью. Говорю, что приходит в голову. Наконец комендант увидел, что от меня ничего не добьется, и приказал вывести. Мне объявили, что я могу идти домой.

Забыв про боль, я выскочил во двор и чем дальше отходил от комендатуры, тем быстрее шел. А наконец так помчался по дороге, что даже ног под собой не чувствовал.

Через три часа я был в деревне Чеславое, где меня встретили мама, брат и партизаны. Они повели в дом, накормили, обогрели и попросили рассказать о том, что произошло со мной. Когда я кончил, подошел брат и сказал:

— Ну, Шурик, ты свое сделал. Пойдем в лагерь. С сегодняшнего дня ты — партизан.

Алесь Гуло, 1931 года рождения.

Город Дзержинск, Минской области.

НАША ПОДРУГА

Мы знаем Римму Кунько со школьной скамьи. Она была живой, подвижной и деятельной девочкой, хорошей подругой.

Вместе с ней мы учились с пятого до девятого класса, а потом вместе были в одном партизанском отряде.

Римме шел тогда пятнадцатый год.

Командование отряда не давало нам, девушкам, боевых заданий, а мы все так хотели работать подрывниками. Римма первая добилась этого, а за ней стали участвовать в подрыве железнодорожного полотна и все мы. Произошло это так. После того, как в бою с немцами погиб старший брат Риммы Володя, она только и думала о том, как бы ей отомстить за смерть брата. Римма решила пойти сама на подрыв немецкого эшелона. Она не знала только, как обходиться с капсюлем.

Однажды партизаны отдыхали после ночного похода. Одни спали, другие чистили оружие, третьи ели. Ротный «спец», подрывник Алеша Митюров, раскладывал свои капсюли. Римма подошла к нему и будто невзначай сказала:

— Митюров, покажи, как пользоваться этой штукой.

Тот даже не поинтересовался, зачем ей это. Алеша, вероятно, считал, что каждый партизан должен знать подрывное дело. Он тут же начал объяснять, как устроен капсюль, как им пользоваться. Римма всё сразу поняла и запомнила. Она неожиданно вырвала у него из рук капсюль. Митюров схватил Римму за руку.

— Отдай капсюль! — крикнул он.

— Нет, не отдам.

— Зачем он тебе?

— Нужен.

После долгого спора Римма рассказала Алеше о своем желании. Митюров забрал капсюль и начал уговаривать, чтобы она не делала этого.

— Подрывное дело очень опасное. Малейшая неосторожность — и ты погибнешь, — говорил он.

Но Римма и слушать не хотела.

После спора с Риммой Митюров спрятал баночку с капсюлями под изголовье и, не раздеваясь, лег на нары. Римма не спала и следила за ним. Как только Митюров заснул, она тихонько подошла к нарам и взяла один капсюль. Она знала, что взять мину будет нетрудно: Митюров их не прятал.

Той же ночью она ушла, оставив командиру отряда записку: «Я пошла на железку. В лагерь не вернусь, пока не взорву эшелон.

Обо мне не беспокойтесь».

А Митюрову она написала:

«Я взяла один капсюль. Задуманное выполню. Все твои уговоры напрасны».

Исчезновение Риммы первым обнаружил командир отделения Кузнецов. Он пришел в землянку, разбудил нас и начал допытываться, где Римма.

— Не знаем, — ответили мы, — она ничего нам не говорила.

Ничего не добившись от нас, он доложил взводному и командиру роты.

Наконец, из письма командиру отряда все узнали, в чем дело.

Римма вернулась через трое суток. Она была усталая, но веселая и довольная. Глаза ее блестели от счастья. Она бросилась к нам и начала рассказывать, как всё произошло.

В первые две ночи поезда не шли. От обиды она даже плакала, но все же решила дожидаться. Ночью Римма лежала у железнодорожного полотна, внимательно прислушивалась ко всему и до боли в глазах всматривалась в ночную мглу. Днем залезала в стог сена и отдыхала.

На третьи сутки шел воинский эшелон. Римма подложила мину, отползла и стала ждать.

На третьи сутки шел воинский эшелон. Рима подложила мину.

Раздался взрыв. Сердце ее забилось от радости: под откос валились вагоны. Слышались крики и стоны раненых немцев.

— А что ты ела? — спросили мы.

— Я сходила в деревню Залесье и попросила у крестьян, — ответила она.

В отряде сначала не поверили, что одна девочка могла взорвать поезд. Чтобы проверить, правда ли это, командир выслал разведку. Разведка вернулась и доложила, что на перегоне между станциями Татарка и Осиповичи как раз в том месте, какое указывала Римма, действительно спущен под откос немецкий воинский эшелон. А раз никто другой из отряда на «железку» не ходил, всем стало ясно, что это дело Римминых рук.

Но Римма не успокоилась на этом и сразу же принялась за создание первой в отряде подрывной группы из девушек. В нее вошли мы и Надя Суровей. Римма была руководителем. Она учила, как подползать, подкладывать мины и вставлять капсюль. Когда мы изучили подрывное дело, она попросила командира отряда, чтобы он разрешил ей со своей группой пойти на «железку». Командир согласился. Она вскочила в землянку радостная, возбужденная. Лицо ее сияло, ярко блестели большие глаза.

— Девочки, пойдем! — крикнула она.

Мы поднялись с нар и начали собираться.

Взяли мины, тол, капсюли, еду, оружие и на рассвете отправились в дорогу. Лесом шли пятнадцать километров. Темнело, когда вышли на опушку, откуда была видна железнодорожная линия. Остановились, осмотрелись. Поблизости никого не было. Залегли и начали ожидать. Но в первую ночь нам не повезло — поезда не шли. Под утро полил дождь. Мы промокли, начали мерзнуть.

Километрах в трех от нас, на лугу, стоял стожок сена. Мы забрались в него. Немного согрелись и заснули. Проснулись в полдень. Поели. И опять отправились на линию. В лесочке дожидались темноты.

Пока лежали, Римма распределила, что кому делать. Поля и Надя остались на месте, а Нина и Римма с миной поползли к полотну. Вдруг послышались чьи-то шаги. Девочки прижались к земле и притаились: это шли два немецких часовых. Пропустив их, Римма с подругой поползли дальше. Послышался грохот поезда. Девочки заложили мину. Шум поезда нарастал. Римма и Нина быстро поползли назад, а потом вскочили и побежали. Когда поезд приблизился, они упали на землю. Раздался оглушительный взрыв под паровозом, и вверх взлетел высокий столб огня… Послышался треск, лязг, крики. Из сторожевых будок по нам открыли огонь из пулеметов. Немцы стреляли наугад. Мы лежали, пока не прекратилась стрельба. Потом поднялись и пошли в лагерь. Это была Риммина вторая, а наша первая боевая операция на «железке».

От имени командования бригады нам была объявлена

благодарность.

Вскоре Римма и Поля отправились на станцию Татарка. На этот раз они подложили под рельсу тол с капсюлем. Тол взрывается, если дернуть за длинный шнур, который прикреплен к капсюлю. За день до этого Митюров со своими подрывниками взорвал немецкий эшелон. Немцы после взрыва пустили вспомогательный поезд, который ходил то взад, то вперед. Взрывать его не было никакого смысла. С утра лил дождь, но девочки терпеливо ожидали. Вот прошли часовые; но тол и шнур не заметили, потом со станции вышел дежурный с карманным фонариком. Он подошел к тому месту, где был заложен тол, и увидел шнур. Раздался свисток. Выхода не было.

— Надо рвать! — прошептала Римма.

— Рви, — согласилась Поля.

Римма потянула за шнур. Девочки лежали в нескольких метрах от полотна, и их оглушило взрывной волной. Они не смогли сразу подняться. Через несколько минут все-таки встали и, поддерживая друг друга за руки, добрались до лагеря.

На следующий день разведчики донесли, что дежурный немец был разорван на клочки.

Римма участвовала во многих других операциях. Она была неутомима. Вернувшись с одного задания, просилась на другое.

Погибла Римма летом 1944 года. Наш партизанский отряд шел с боями на соединение с регулярными частями Советской Армии, которая гнала немцев из родной Белоруссии.

Немцы уже сдавались пачками.

В это время произошло то, чего никто не ожидал. По шоссе Минск — Бобруйск двигались части немцев, которые вырвались из бобруйского «котла». Они напали на наш отряд. Партизаны залегли около шоссе. Завязался жестокий бой. Было подбито два танка и несколько машин. Римма и семь бойцов вели бой с большой группой немцев.

Когда вышли патроны, Римма поднялась в атаку. В эту минуту вражеская пуля скосила ее.

Уже мертвой ее привезли в Осиповичи. Здесь ее и похоронили.

Партизаны отряда тосковали по Римме. А мы, ее подруги, горько плакали. Очень жаль было Римму, с которой прошли весь боевой путь, перенесли все тяжести и трудности партизанской жизни… Особенно обидно было то, что она погибла в счастливый день освобождения Белоруссии.

Поля и Нина Борозна.

Местечко Липень, Осиповичский район.

ПАПА «ГИСА»

Как только началась война, папа собрался, поцеловал всех нас и ушел на фронт. Остались мама и нас трое: я, брат Вова и Ваня. Мне было десять лет, Вове — семь, а Ване — четыре.

Потом появились немцы и стали наведываться в нашу деревню. Они искали партизан и забирали коров. Партизаны часто заходили к нам и ночевали в бане. Мама предупредила, чтобы мы никому не проговорились об этом. Особенно мы уговаривали Ваню, потому что он был маленький.

Однажды к нам пришел партизан, которого звали Гриша. Он был веселый, и мы все его любили. Он играл с Ваней, и Ваня называл его «Гиса».

Вдруг видим — к нам идут три немца. Мы перепугались, Гриша хотел уходить, но уже было поздно и спрятаться негде. Тогда мама сказала нам:

— Дети! Называйте его папой. Понимаете?

Я и Вова хорошо понимали, но испугались за Ваню. Мы начали говорить Ване, чтобы он называл Гришу папой, а не то немцы нас всех убьют.

Немцы уже входили во двор. Мама дала Грише порванную отцовскую куртку, молоток и сказала;

— Починяй шкаф!

В шкафу были поломаны дверцы. Гриша начал стучать молотком, снимать дверцы.

Когда немцы были в сенях, я закричала:

— Папа, Вовка дразнится!

А Вовка поддержал:

— Папа! Лидка дерется.

Гриша повернулся к нам и сказал строго:

— Чего вы тут не поделили?

А Ваня, увидев немцев, закричал:

— Папа Гиса! Папа Гиса!

Не знаю, понравилась ли ему эта игра или он старался показать немцам, что это его «папа», но он больше чем следует говорил «папа Гиса».

Но немцы не обратили на Ваню внимания. Они спросили у мамы:

— Партизаны есть?

— Нет, — ответила мама.

— А это кто?

Мой муж.

А Гриша был моложе мамы. Он старался не показывать

немцам своего лица и всё стучал молотком. Я подбежала к нему, прижалась и притворилась, что плачу.

— Папа, я боюсь, — сказала я.

Он обнял меня:

— Не бойся, доченька, они ничего тебе не сделают.

Тогда подошел Вова в тоже прижался к «папке». Я заметила, что мама радостно улыбнулась Только Ваня слишком уж старался:

— Папа Гиса! Папа Гиса!

На счастье, немцы не обратили внимание на его болтовню. Один подошел к печке, поднялся на носки и посмотрел наверх. Другой заглянул под кровать. Хорошо, что Гриша не прятался.

Немцы вышли, не найдя партизан. Мы все были очень рады, что удалось обмануть фашистов.

Ваня был тоже доволен и горд.

— Ага, я сказал «папа Гиса», ага! — говорил он всем.

Лида Волкова, 1932 года рождения.

В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Советская Армия безостановочно двигалась по Восточной Пруссии.

Я был при радиороте батальона связи.

Однажды после воздушной и артиллерийской подготовки мы начали наступление на большую железнодорожную станцию.

Станция имела важное значение, и немцы упорно обороняли ее. Потом сами перешли в контратаку. Мы заняли оборону. Немецкие танки и пехота бешено рвались вперед. Им удалось немного вклиниться в расположение наших частей. Генерал приказал не отступать ни на шаг и держаться до последнего патрона.

Наша радиостанция расположилась у домика, на горке. Когда немецкие пушки стали обстреливать возвышенность, мы переместились в ров, который был у подножья возвышенности. Во время работы мы внимательно следили за тем, чтобы к нам не подползли немецкие автоматчики. Вдруг один из радистов сказал:

— Смотрите, два немецких связиста тянут линию. Уничтожим их.

— Нет, не надо, — ответил сержант. — Вон еще идут…

Вслед шли четыре немецких радиста. Было решено связистов пропустить, а захватить радиостанцию.

Укрывшись в кустах, мы стали наблюдать за радистами. Немцы шли прямо на нас. Я с интересом и волнением следил за ними.

Подойдя к нам метров на пятьдесят, немцы остановились, осмотрелись по сторонам, не заметив никого, начали устанавливать радиостанцию. Разместились они в яме, среди маленьких кустиков. Когда они начали связываться со своими частями, старшина скомандовал:

— Подготовиться!

Нас было четверо. Разбившись на две группы и изготовив автоматы, мы поползли к ним. Я полз рядом с сержантом. Он всё время ласково на меня поглядывал и по-отцовски шептал:

— Не поднимайся!..

Я еще плотнее прижимался к земле. Напряжение возрастало… Сильно билось сердце. Когда мы подползли ближе, то увидели, что два немца окапываются, а два уже что-то передают. По сигналу старшины мы открыли огонь. Двое были убиты сразу, а тот, что был с наушниками, смертельно ранен. Остался только один. Тогда мы поднялись и бросились на него.

Немец был застрелен в упор. Всё это произошло очень быстро.

Старшина взял документы и оружие убитых. Я забрал приемник-передатчик, и мы поползли назад.

Вернувшись к своим, старшина доложил начальнику радиостанции о захвате немецкой рации.

Мы погрузили трофейную рацию в автомашину, которая стояла тут же, в кустах.

Командир роты объявил всем нам благодарность.

Витя Васянков, 1932 года рождения.

Город Минск, 10-й детский дом.

МОТОЦИКЛ

Я и мои товарищи Васька и Колька были при артиллерийской бригаде, которой командовал полковник Пастух. Боев на этом участке не было, бригада находилась в обороне. Мы помогали бойцам чистить орудия, протирать, снаряды и выполняли другие мелкие работы.

Бригада располагалась в лесу. За лесом проходила старая линия обороны. Однажды мы втроем пошли туда. Около полуразрушенного хлева увидели немецкий мотоцикл с коляской. Подошли и начали его разглядывать. Он казался нам исправным. Васька и говорит:

— Давайте покатаемся.

Васькино предложение нам понравилось, и мы взялись за дело. Один из нас садился в коляску, а двое толкали. Поле было неровное, и мотоцикл медленно катился вперед. Но мы были рады, что он все-таки движется. Когда нам надоело заниматься этим, я предложил забрать мотоцикл с собой.

Мы приволокли мотоцикл в расположение взвода. Старший механик сержант Пичугин осмотрел его и сказал:

— Да он почти исправный. Вы сами можете его отремонтировать.

Мы сразу приступили к работе. Крутили мотоцикл так и этак, ощупали каждую часть, но что надо было сделать — не знали. Стали просить Пичугина, чтобы он сам исправил. Пичугин отремонтировал мотоцикл. Начальник горюче-смазочного склада дал нам бензину. Мы заправили мотоцикл и очень обрадовались, когда услышали фырканье, Васька умел управлять машиной, и мы стали кататься. Теперь мотоцикл вез нас всех троих. Я и Колька сидели в коляске.

Выбирая свободные места, мы продвинулись вперед и увидели деревню. Нам было известно, что эта деревня «ничья» и что туда часто наведываются советские разведчики. Мы поехали к деревне…

На дороге у нас спустило колесо. Васька соскочил с мотоцикла и начал осматривать шину. Мы тоже вылезли. Насоса у нас не было. Оглядываясь, чем бы помочь беде, мы увидели, что из-за одной хаты торчит кузов автомашины…

— Пойду к шоферу и возьму у него насос, — сказал Васька и побежал к хате. Мы остались ждать около мотоцикла. Васька приблизился к машине и вдруг, как заяц, отскочил от нее и, прижимаясь к домам, побежал назад. Мы встревожились. Он прибежал и сказал, что в деревне немцы. Нас охватил страх. Мы

оставили мотоцикл и бросились в придорожные кусты. Сели и начали наблюдать, что будет дальше.

В это время загрохотала советская артиллерия и над головами со свистом полетели снаряды. Они падали в другом конце деревни, но один из них угодил в дом, где стояла автомашина. Мы решили спрятаться в более надежное место. Побежали в ближайший дом. Дом оказался пустым. Мы сели в угол за печку.

Через несколько минут артиллерийская канонада прекратилась. Послышались пулеметные и винтовочные выстрелы. Я осторожно подошел к окну. То, что я увидел, заставило меня вздрогнуть. К нашему дому бежал высокий немец. Оружия у нас не было. «Ну, капут всем нам», — подумал я. Взбежав на крыльцо, немец почему-то остановился, а потом повернул назад. Он побежал к уборной и спрятался в ней.

Я рассказал ребятам, какая опасность угрожала нам. Мы уже собрались убегать из дома, как на улице раздались крики: «Ура!» Это наступали наши. Солдаты, пригибаясь, перебегали от хаты к хате. Страху нашего как не бывало. Мы выскочили из хаты и побежали навстречу своим. Увидев нас, бойцы удивились. Мы рассказали, как попали в деревню. Они смеялись: «Ишь, вояки, с одним мотоциклом село взяли!» — и побежали вперед.

Только теперь я вспомнил про немца.

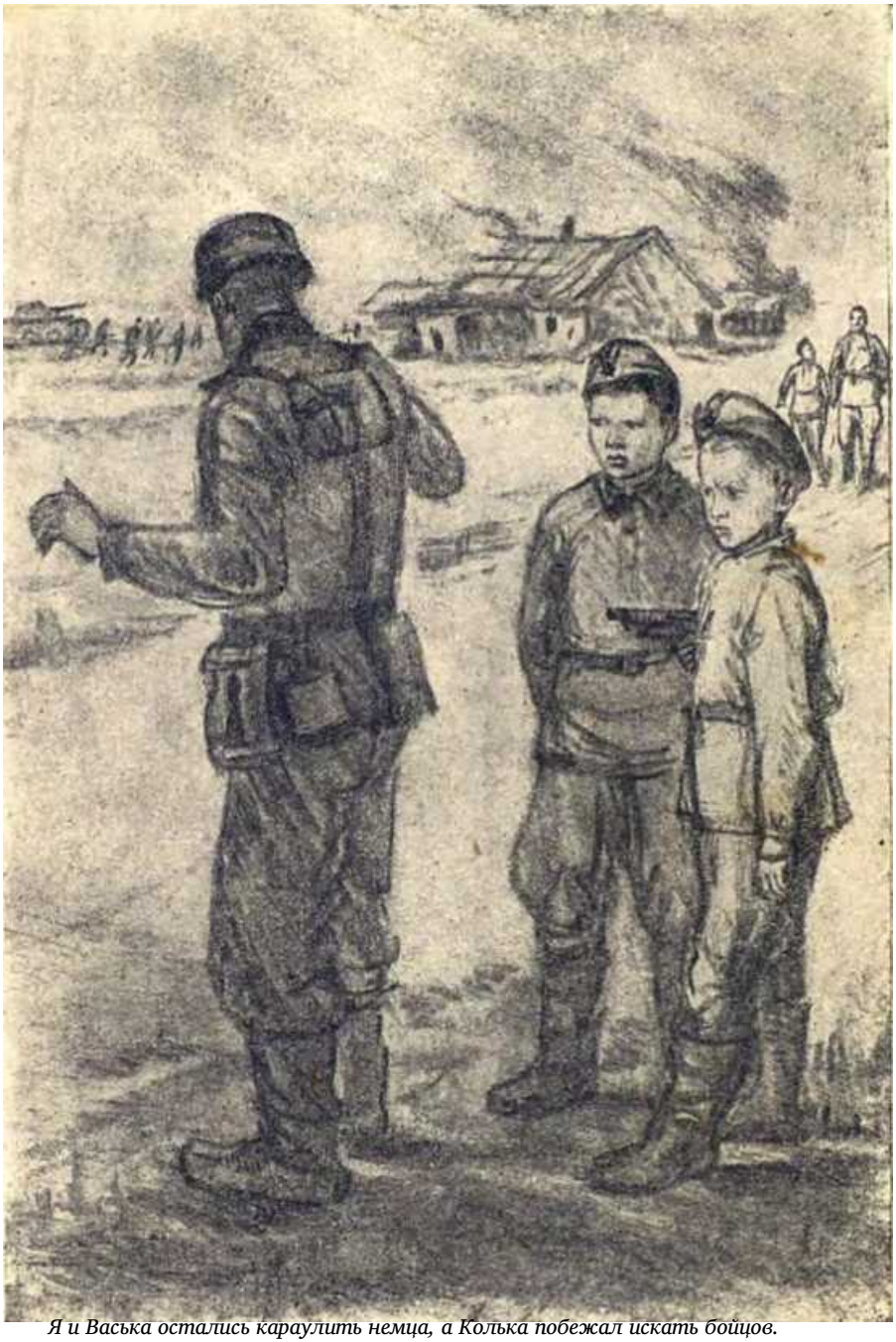
— Ребята, давайте посмотрим, там ли он, — сказал я. Мы тихонько подбежали к уборной. Я открыл двери.

Перед нами стоял тот самый немец. Увидев нас, он поднял руки вверх. У ног немца лежал пистолет. Я быстро схватил его.

— Ком![14] — крикнул я.

Немец послушно вышел.

Мы привели его к мотоциклу. Я и Васька остались караулить немца, а Колька побежал искать бойцов.



Я и Васька остались караулить немца, а Колька побежал искать бойцов.

Вскоре он вернулся со старшим лейтенантом. Мы передали ему немца. Старший лейтенант вынул из планшета блокнот и записал, что мы задержали немецкого офицера.

Вернувшись в часть, мы доложили полковнику о своих приключениях.

Полковник рассердился, что мы поехали без разрешения. Ом приказал отобрать мотоцикл и дать нам по пять суток гауптвахты. А когда нас выпустили, мы были удивлены: за пленение немца полковник объявил нам благодарность и возвратил мотоцикл.

Юрий Мамочкин, 1930 года рождения.

Город Гомель, школа юнгов.

КАК Я СТАЛ ГВАРДЕЙЦЕМ

Моя мать работала в колхозе, а отец был начальником пожарной дружины. Я кончил два класса в Маринищской школе. Когда началась война, отца в армию не взяли, потому что он был больной.

Наш Россонский район, Витебской области, вскоре заняли немцы. Всякий раз, как немцы заглядывали в Маринище, мы прятались в лес. Жизнь стала тяжелой. Наступила зима.

— Пойду в партизаны, — сказал отец.

Я был очень рад, что мой папа будет партизаном.

Отец ушел. Мама и я остались дома. Отец изредка навешал нас. В 1942 году в нашем районе образовался партизанский край. Партизаны организовали крепкую оборону. Я ходил копать ров, чтоб немецкие танки не прорвались к селу. Наступила весна. В тот день, когда я услышал первых жаворонков, к нам приехала подвода. Вооруженные люди внесли в хату что-то длинное, закутанное в кожух. Это был убит отец. Мать заплакала, начала причитать. Партизаны рассказали, что мой отец храбро бился с немцами. Я очень плакал, когда отца зарыли на кладбище и поставили на его могиле памятник — белый столбик с красной звездой…

Я остался жить с мамой. Партизаны помогали нам — дали корову.

Я хотел отомстить за смерть отца и взялся сделать наган, чтобы он стрелял настоящими патронами. Нашел сук, проволокой прикрепил к нему трубку и заложил туда патрон так, что гвоздь, оттянутый резиной, ударял по капсулю. Но только попробовал выстрелить — мой самодельный наган взорвало и мне поранило пальцы на левой руке.

Когда Красная Армия начала гнать немцев, они, отступая, убивали всех жителей. Мы убежали в лес, но немцы на мотоциклах догнали нас. Мама только успела крикнуть: «Сынок!..». Ее застрелили немцы, а я убежал и решил поступить к партизанам в отряд, чтобы отомстить за смерть отца и мамы.

В отряде я рассказал, как немцы захватили и убивали наших людей. Партизаны с боем вышли из лесу, и я увидел убитую мать. Она лежала там же, где я ее оставил.

У немцев было больше сил. Партизанам пришлось опять уйти в лес, и я не успел похоронить маму.

В партизанском отряде я стал помогать повару мыть ложки, миски. Чистил ржавые патроны.

Настало время, когда партизаны соединились с армией. Я

начал проситься, чтобы взяли в армию и меня, сироту. Советская Армия гнала фашистов, которые причинили мне столько горя. Я хотел быть вместе с Советской Армией. Лейтенант Красных, командир взвода связи, принял меня и даже начал звать «сыном». Я теперь веду с ним переписку.

Я стал учиться военному делу: проходил уставы, телефонные аппараты. Тут я первый раз в жизни получил карабин. Я был так рад, что никогда с ним не расставался. Теперь на мне была военная форма. Я считался воспитанником первого Прибалтийского фронта.

В тот день, когда мы пошли в наступление, я уже умел тянуть связь, отлично знал все неисправности телефонных аппаратов — и своих, и немецких. Я шел вслед за разведчиками и принимал участие в освобождении города Полоцка.

Вскоре меня перевели в батальон связи, и я получил гвардейский значок. С нашим гвардейским батальоном я прошел Польшу, Литву, Латвию. В Риге один гражданин спросил меня, как я попал в армию, и подарил мне большой букет цветов.

— Держись, — говорит, — сынок! Скоро закончится война.

А я ответил:

— В Берлине закончим!

В Пруссии со мной произошел такой случай.

Я и три разведчика — Кузьмин, Савченко и Бакодамов — пошли к немцам в тыл.

Мы получили задание — узнать, сколько у немцев батарей и где они находятся. Пошли ночью. Взяли автоматы и две катушки с проводом. Через линию обороны идти было страшно, но мы перебрались счастливо.

Шли вместе, пока хватило провода. Потом дальше. Я подключил аппарат, вызвал свой позывной, сказал, что всё в порядке, и начал маскироваться.

Через некоторое время стало светать. Савченко принес мне бумажку. На бумажке были написаны квадраты на карте и количество немецких батарей.

Он приказал передать это командиру, а сам пошел к товарищам.

Я дал звонок — чувствую, ручка моего аппарата легко крутится. Значит, связи нет. Я пошел искать обрыв на линии.

Иду, иду, а уже совсем светло. Нашел один конец проволоки, потом второй и начал их связывать. И тут из-за кустов показались два немца. Они двигались навстречу, но пока не видели меня.

Я схватился за автомат и дал очередь. Немцы упали.

Я хотел идти к аппарату, а потом решил: может, у немцев важные документы, — пошел и забрал всё, что было у них. А

оружие их забросил в кусты.

Вернулся и передал по телефону сообщение, а также и то, что со мной случилось. Командир отвечает:

— Спрячься где-нибудь, чтобы наши снаряды тебя не зацепили. Сейчас откроем огонь.

Когда пехота пошла в наступление, я присоединился к своим.

На следующий день капитан Анохин вызвал меня из строя и наградил медалью «За отвагу».

Я с еще большей охотой пошел в наступление, мстил немцам за отца и мать. День победы я встретил в Данциге и на радостях перестрелял все свои патроны и ракеты.

Алик Козлов, 1932 года рождения.

notes

Примечания

1

Быстро! Быстро!

2

Арестантский знак.

3

Перекличка!

4

Работать.

5

Хорошо, хорошо!

6

Он и теперь наполовину глухой и немой. (*Прим. ред*).

7

Поезд тронулся.

8

Дот — долговременная огневая точка.

9

Хороший ребенок.

10

Мать больна.

11

Яиц нет?

12

Дрова! Дрова!

13

Маленький бандит.

14

Идем!